

Управление НКВД

СОВ. СЕКРЕТНО

ДЕЛО № 1

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

**БОРИС
БАТЫРШИН**

Хранить вечно

Борис Батыршин

Хранить вечно. Дело № 1

«ИП Каланов»

2022

Батыршин Б. Б.

Хранить вечно. Дело № 1 / Б. Б. Батыршин — «ИП Каланов»,
2022 — (Хранить вечно)

Наш современник находит на чердаке своей дачи рабочие журналы секретной лаборатории, закрытой и преданной забвению давным-давно, в середине тридцатых годов. Он сам когда-то в свои студенческие годы раскопал эти журналы в кучах старого хлама, работая на расчистке подвалов своего ВУЗа — нашёл, заинтересовался, забрал домой, да так и забыл. И вот, спустя сорок лет без малого руки, наконец, дошли, чтобы разобраться в старых лабораторных записях и попытаться реализовать то, что в них изложено. А именно — изготовить загадочный механизм, чертежи которого нашлись в журналах. И, конечно, испытать готовое устройство на себе, любимом! Но кто же мог знать, что эта опрометчивая попытка обернётся самой настоящей пересадкой разума в тело «трудного подростка», воспитанника трудовой коммуны, над которой шефствует "специальный отдел" всеильного ОГПУ? А уж помыслить о том, с кем сведёт его эта невероятная история и чем придётся заниматься — невозможно даже в самых больных, в самых горячечных фантазиях.

© Батыршин Б. Б., 2022

© ИП Каланов, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	38

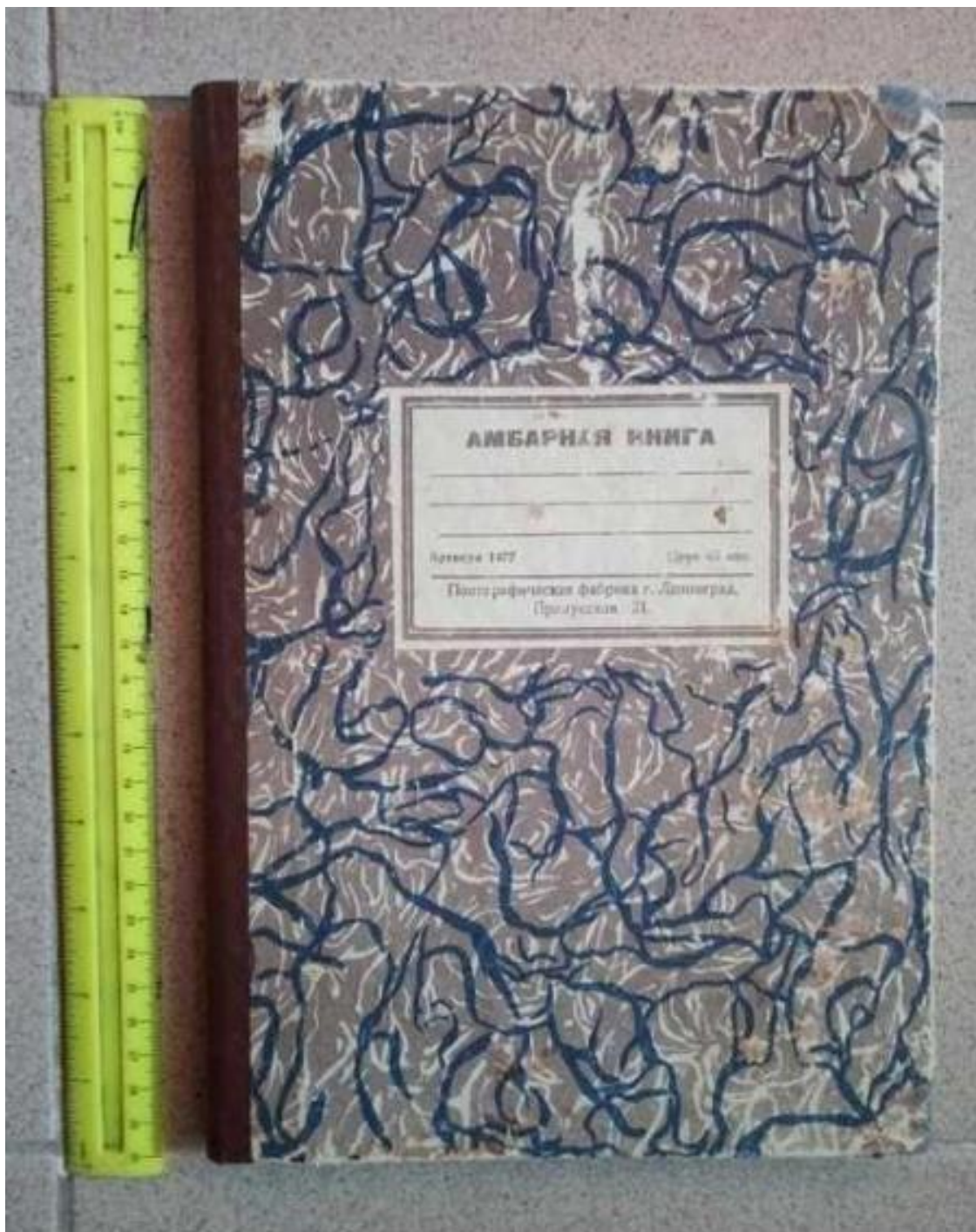
Борис Батыршин Хранить вечно. Дело № 1

© Оформление. ООО «Издательство Горизонт», 2022

© Борис Батыршин, 2022

Пролог

– Ну что, взяли? – аспирант наклонился к носилкам. – Немного уже осталось, ходки две-три.

– А потом? – спросил Лёха. Возиться с пыльным хламом в подвале корпуса «А» надоело ему до чёртиков. В горле немилосердно першило, на зубах скрипела кирпичная крошка, – индийские джинсы, купленные всего неделю назад этой весной и неосмотрительно надетые сегодня вместе со старой безрукавкой с олимпийским мишкой и пятью разноцветными кольцами, давно посерели от пыли. Имелась, правда, брезентовая куртка-стройотрядовка, густо

усаженная эмблемами и надписями, но в подвале было жарко, а надевать её на голое тело не хотелось...

– А потом обед. – ответил аспирант. Вчерашний дипломник, он был назначен к нам руководителем практики и чрезвычайно гордился ответственным поручением. – Час на перекус и отдохнуть, а потом на склад, на хоздвор. Завтра надо начать выравнивать стены, если сегодня не получим цемент – с утра нам светит простой. Михалыч узнает – голову снимет!

Михалычем звали завхоза кафедры, мужчину несговорчивого, дотошного и злопамятного. Так что, случись простой, да ещё и по их собственной вине – аспиранту ещё долго будет за это икаться. Да и студентам мало не покажется, работу-то принимает завхоз, и он же закрывает наряды, которые надо потом предъявлять в комитет комсомола и деканат...

– Кирпич бар, раствор йок – сыжу, куру... – Генка Прокшин немедленно ответил переиначенной фразой из старой миниатюры Райкина. Гена, как и многие из нашей группы, в прошлом году отметился в минусинском строяке и набрался там специфических речевых конструкций.

Лёха подхватил носилки со своей стороны, крякнул и поднял. Было тяжело.

– И на кой чёрт кафедре эта дыра... – недовольно пробурчал аспирант. Ему, как старшему в трудовом коллективе, следовало изображать трудовой энтузиазм, однако духота и подвальная пыль, похоже, и у него сидели в печёнках. – В выделенных комнатах вон сколько места, хоть в футбол играй...

Они потрусили к дверному проёму, ошетилившемуся по краям свежевещербленными кирпичами.

– А правда, что об этом подвале никто раньше не знал? – спросил Лёха.

– Никто. – отозвалось начальство. – Кафедре выделили две подвальные комнаты под лабораторию. А когда стали обдирать со стен старую штукатурку, то нашли заложенный кирпичом проём. Ну, расковыряли, а за ним нашлись ещё два, поменьше. Завхоз нарочно интересовался в архиве – нигде они не обозначены.

– А раз не обозначены, значит, их как бы и на свете нет. – поддакнул напарник. – Можно делать с ними, что угодно!

– Угу. Завкафедры, как узнал об этой находке – сразу скомандовал немедленно приводить помещения в порядок, и в первую очередь заносить туда аппаратуру. Чтобы, когда самоуправство обнаружится – поздно было бы что-то переигрывать. А то ведь институтское начальство прознает о дармовых площадях и отберёт, вякнуть не успеешь...

Лёха не собирался вякать, или каким-то иным способом проявлять интерес к дополнительным рабочим площадям, но счёл необходимым кивнуть.

– Когда стали осматривать находку, то оказалось, что тут и вентиляционные каналы проложены, и даже проводка сохранилась. – продолжал аспирант. – Конечно, придётся менять, сам видел, какое там старьё: проводка вся внешняя, на фарфоровых изоляторах, провода кое-где в резине, а кое-где вообще в ткани, пропитанной лаком.

– Аппаратура тоже старая. – сказал Лёха. На одной из шкал он разобрал надпись на немецком, а потом нашёл шильдик на задней панели. – «Телефункен», тысяча девятьсот двадцать шестой год!

– По ходу, как в тридцатых эту лабораторию забросили, так о ней и не вспоминали. Ну-ка, осторожнее, косяк...

Носильщики миновали обширное подвальное помещение и выбрались в узкий коридор. Теперь предстояло подниматься по узкой крутой лестнице, то и дело цепляя носилками обшарпанные стены, потом тащить груз на задний двор, к институтской помойке. Туда ещё вчера привезли мусорный контейнер, и студенты успели наполнить его уже почти наполовину.

Здание института было построено ещё до революции. С тех пор появились новые корпуса, но администрация ВУЗа, а так же несколько старейших кафедр, с которых начиналась его

история, остались на прежнем месте. Остались – и постоянно испытывали недостаток в помещениях, следствием чего и стало переселение одной из учебных лабораторий в подвал. Сроки горели, работы следовало закончить к началу учебного года кровь из носу – а потому декан распорядился снять часть студентов с производственной практики на кислородном заводе и бросить на аврал. Выбор пал на Лёху, Генку и ещё двоих студентов, как имеющих стройотрядовский опыт. И способных не только таскать носилки с мусором, но и более-менее квалифицированно управляться со стяжками, штукатурными работами, малярными валиками и даже несложной столяркой – в новообретённых помещениях требовалось вставить дверные косяки, сколотить из бруса и толстой фанеры лабораторные стеллажи. А потом покрыть стены, двери и потолок белилами и масляной краской радующего глаз цвета детской неожиданности.

Обычная, в общем, работа, за который институт к тому же неплохо платил. Не так, как в Минусинске, где они прошлым летом строили бараки для рабочих, монтирующих оборудование на новой ТЭЦ, но тоже неплохо.

Опыт – его не пропьёшь. Да и характеристика от руководителя практики не помешает, оттого Лёха и старался, демонстрируя лояльность к родной кафедре и трудовой энтузиазм.

Носилки опрокинулись, и их содержимое посыпалось в контейнер, подняв густое облако пыли. При этом часть угодила мимо железной лоханки, но Лёха исправлять огрех не стал. Вон, начальство тоже сделало вид, что ничего не заметило – а ему что, больше всех надо?

– Покурим? – предложил аспирант. Лёха согласно кивнул, хотя и не курил, бросил. Они уселись на брошенный тут же, рядом с контейнером, квадратный вентиляционный короб, по лужёной поверхности которого разбегались цинковые звёзды. Аспирант завозился, выуживая из кармана пачку «Союз-Аполлон» и зачиркал спичками, а Лёха от нечего делать стал рассматривать валяющийся рядом с контейнером мусор.

Мусор этот оказался примечательным – четыре большие амбарные книги в истёртых, истрёпанных по краям картонных переплётках. На верхней Лёха разобрал полустёртую надпись тёмно-синими чернилами: «Лабораторная тетрадь No...» под типографски отпечатанным «Книга учёта». Рядом – россыпь неразличимых лиловых штампов.

Это, надо полагать, рабочие журналы, догадался он. Уж сколько лет прошло, никак не меньше пятидесяти, а записи в лабораториях до сих пор ведут в таких вот амбарных книгах. Наверняка страницы рыхлой желтовато-серой бумаги, разлинованные, с особым местом для даты и подписи в нижнем правом углу. Только в те времена писали перьевыми ручками, окуная их в особые чернильницы-непроливашки. И почерк у большинства людей был не в пример лучше, чем сейчас, сказывались школьные уроки чистописания в начальных классах. Лёха ещё их застал первоклашкой, и помнил, как старательно выводил палочки и крючочки в линованных наискось тетрадках, особо следя на правильным нажимом и наклоном...

Аспирант прикурил, бросил спичку в пожухлую траву на газоне и стал смотреть вглубь хоздвора. Там двое студентов в синих спецовках сгружали из кузова с грузовичка на асфальт серебристые сосуды Дьюара, на боках у которых красовались большие, сделанные по трафарету, надписи «АЗОТ» – согласно ГОСТу, жёлтой краской на чёрной полосе. У одного из сосудов над длинной горловиной курилась лёгкая прозрачная струйка пара.

– Вот рукожопы... – прокомментировал аспирант. – Стукнули что ли, пробку сбили при погрузке? А нам потом за бракованный дьюар отписывайся!

Лёха сочувственно покивал, хотя ему не было особого дела до испорченного имущества. Ну, стукнули и стукнули – не в первый раз, и не в последний, вон сколько битых и порченных дьюаров в кладовке на кафедре... Другое дело – старые рабочие журналы; любопытно, чем занималась лаборатория, которую потом запечатали так старательно, что забыли вывезти документы и оборудование?

А может, всё это и не собирались вывозить? Ни допотопные, с надписями готическим шрифтом, приборы, ни стоящее посреди дальней из двух комнат деревянное кресло, сплошь

обмотанное проволоками – помнится, Прокшин, увидав его, отпустил шуточку насчёт электрического стула... Ни развешанные кое-где по стенам выцветшие графики и таблицы, ни размытый аэрофотоснимок какого-то озера с неразборчивой надписью в углу от руки.

Вставать не хотелось. Лёха дотянулся до стопки журналов ногой и подгрёб их к себе. Ну-ка, что там? Ага, «Лаборатория нейроэнергетики», ноябрь 1929-го года, ответственное лицо, имя-фамилия. Надпись полустёрта, но разобрать можно: «Евг. Гопиус».

А вот это уже интересно: при ближайшем рассмотрении на одном из штампов он разобрал надпись «Сов. секретно». И ниже, едва различимое, но от того не менее впечатляющее – «Хранить вечно». Поверху же, на приклеенной к картону бумажной полоске отпечатано на машинке: «Специальный отдел ОГПУ СССР».

О как, привет из подвалов Лубянки! Лёха воровато покосился на аспиранта – тот всё рассматривал грузчиков с битым дьюаром, – поднял журналы, и принялся засовывать их за пояс джинсов. Спустился вниз, прикинул он, переложу в сумку, а пока так...

Разумеется, его манипуляции не остались незамеченными.

– На кой тебе этот хлам? – спросил аспирант. – Просто так спросил, с ленцой, для порядку – чем это занимается подчинённый?

– Родители на нового Дюма макулатуру копят. – нашёлся Лёха. – Мусор-то всё равно сожгут, а они вон какие тяжёлые!

И в доказательство взвесил стопку журналов на ладони – так, чтобы подозрительные надписи не попались напарнику на глаза.

– Ну, если на Дюма, тогда ладно. – милостиво согласился аспирант. – А я вот на Сименону собираю, пять кило осталось.

К сожалению, недогадливый студент намёк на необходимость поделить проигнорировал. Аспирант мог, конечно, употребить власть и изъять ценное вторсырьё, но связываться не захотел – в конце концов, им работать вместе ещё целую неделю, и незачем портить отношения из-за такого пустяка. Он встал, бросил окурочок на асфальт, раздавил подошвой и пошагал через двор.

Лёха подхватил одной рукой носилки и заторопился следом, придерживая другой рукой амбарные книги так, чтобы они не выпали из-за пояса. Ничего, вечером, дома он рассмотрит их хорошенько – интересно же, настоящая историческая загадка! А историю Лёха любил, ещё со школы. Он даже собирался поступать в историко-архивный институт, но испугался экзамена по английскому. В этом же ВУЗе преподавала когда-то математику его родная бабка – она и подготовила бестолкового внука к вступительным экзаменам. А заодно, замолвила словечко перед кем надо в приёмной комиссии. А как иначе? Лёхе, как и многим его ровесникам, совсем не хотелось идти в армию. Тем более, что на дворе стоял восьмидесятый год, и слова «ограниченный контингент советских войск в Афганистане» были у всех на слуху...

Дверь, ведущая в подвал, открылась, и они стали спускаться в душный пропылённый полумрак, скупо освещённый редкими лампочками в решётчатых колпаках. До обеда предстояло сделать ещё две или три ходки.

Часть первая «...Имени товарища Ягоды»

I

По потолку ползла муха. Большая, жирная, угольно-чёрная, со слюдяными, отливающими синевой крылышками, на белой плоскости она сразу бросалась в глаза. Наверное, подумалось мне, потолок кажется ей необъятной равниной, исчерченной то тут, то там неровными параллельными бороздками – следами малярного валика. А одинокая электрическая лампочка в жестяном абажуре, висящая на скрученных проводах представляется перевёрнутому мушиному взору гигантским футуристическим сооружением...

Муха снялась с потолка и, густо жужжа, принялась нарезать круги вокруг «люстры».

...Где это я, а? Нет ответа, хоть ты тресни...

Итак. Я лежу на белых простынях, укрытый по самый подбородок колючим, жёстким одеялом. Если чуть приподнять голову, то будет видна спинка кровати, набранная из облезлых никелированных прутьев с такими же облезлыми никелированными шишечками. Тот ещё раритет, пожалуй, современник убогой «люстры». Скрученные в жгут провода протянуты от неё к выключателю на крошечных фарфоровых грибках-изоляторах – ну и древность... Пахнет резко, тревожно – раствором хлорки, которым когда-то мыли полы в больницах и поликлиниках. Позже их заменили не столь едкие моющие средства, но память сохранила запах, и сейчас услужливо извлекла его из дальнего уголка мозга.

Я привстал на локтях. Интерьер маленькой комнаты (палаты? Пожалуй...), в которой я, как выяснилось, пребывал в полном одиночестве, вполне соответствовал никелированным шишечкам и допотопной внешней проводке. Тумбочка, выкрашенная в бурокоричневый цвет. Табуретка – уродливая, капитальная, на толстых ножках, с сиденьем, набранным из дощечек с продолговатой дыркой посередине. Белая филёнчатая дверь, окошко поверх притолоки, стекло замазано кое-как белилами. Напротив двери окно с широченным подоконником; за окном весело светит солнце, колышутся ветви деревьев. Узкая форточка приоткрыта, и из неё долетает в палату, целая симфония звуков: бодрые молодые голоса, фыркание автомобильного движка, чей-то низкий рассерженный бас, что-то кому-то выговаривающий. Прорываются и реплики этого «кого-то» – звонкие, задорные... мальчишеские?

Я прищурился – солнечные лучи бьют прямо в глаза, ярко, весело. Лето? Поздняя весна? Осень, нет, листва на колышущихся за стёклами ветках яркая, свежая, майская...

И тут меня пробрало. Сразу, внезапно, вдруг, до ледяного пота.

Кто я, а?..

Нет, правда: лежу себе, считаю мух под потолком (ну хорошо, одну-единственную муху), солнышком люблюсь, а кто я такой – понятия не имею?

Как, впрочем, и то, где я нахожусь. Но это, пожалуй, может и подождать, тем более, что тут хотя бы какая-то ясность имеется – в больничной палате, на койке.

Хоть какая-то определённость...

Руки сами по себе откинули одеяло, ноги опустились на пол – дощатый, щелястый, крашенный такой же тошнотворной бурой краской, как и тумбочка с табуреткой. Ноги, между прочим, молодые, не слишком волосатые, довольно чистые... на левой голени отсутствует круглый шрам, память о залеченном лет двадцать назад воспалении надкостницы.

Стоп. Двадцать лет? Да этой ноге, как и всему приложенному к ней телу никак не больше пятнадцати лет! Об этом куда вернее, чем густота волосяного покрова или рисунок мышц, говорит бурлящая в каждой клеточке подростковая, юная энергия.

Кстати, с мышцами у меня так себе – руки, конечно, не назовёшь палочками, но нормальными бицепсами и не пахнет. И кисти какие-то неубедительные... А вот волосы на голове подстрижены под машинку, причём совсем недавно – в чём я немедленно и убедился, проведя пятернёй по макушке.

Зеркало, мне зеркало!

Нету зеркала. Даже раковины нет, не говоря уж об обычной для нормальной больничной палаты двери в туалетную комнату.

Скрипнула дверь. Я обернулся – в дверном проёме стояла дородная женщина в больничном халате и старомодной белой же косынке на голове.

– Уже проснулся, Лёшенька, голубчик? – выговор у неё был с мягкими малороссийскими нотками. – Вот и хорошо, вот и ладно. Только не вставай, тебе ещё нельзя.

Я, словно во сне, улёгся обратно на кровать и стал нашаривать одеяло.

– Пока Василий Игнатьич тебя не посмотрит – чтоб ни-ни! – продолжала гостья, добавив в голос начальственных интонаций. – Давай-ка я тебе одеялко подоткну... Водички принести, попьёшь?

И принялась сноровисто приводить в порядок моё лежбище. Я молчал, не в силах издать хотя бы звук.

...Лёшенька? А ведь меня действительно зовут Лёша, Алексей – память торопливо выдала этот обрывок информации...

Под потолком гудела, описывая круги вокруг лампочки, муха.

Василий Игнатьич меня добил. Вернее не меня, а мою вконец запутавшуюся память, упорно подкидывавшую совсем другие образы, разительно контрастирующие с тем, что воспринимали органы чувств.

Во-первых, внешность – почти гротескный облик старенького домашнего доктора из довоенных фильмов. Даже седенькая бородка а-ля Чехов была в наличии. Да что там бородка – пенсне! Штришок, который нарочно не придумаешь.

Во вторых, одежда. Строго говоря, ничего необычного: круглая докторская шапочка, как у Айболита в детских книжках и белоснежный халат, накиннутый поверх старомодного костюма-тройки. Из кармашка пиджака, откуда полагалось бы выглядывать уголок носового платка, торчала трубочка из желтоватого пластика с широкой воронкой на конце. Эту трубочку Василий Игнатьич и извлёк со словами «Кхе-кхе-кхе, юноша, поднимите-ка вашу рубашку...

Трубочка? Как бы не так – стетоскоп, причём не из пластика, а из дерева! Пока я пытался удержать всплывшую в памяти картинку – врач «Скорой помощи» в салатовом костюме с бейджиком на груди вставляет в уши блестящие наконечники гнутых трубок и прикладывает к моей груди, заросшей седоватым кустистым волосом, блестящий обрезиненный кругляш, – «доктор Айболит» задрал у меня на груби рубаху, прижал раструб своего инструмента к коже и приник к другому ухом. Последовали неизбежные «Дышите... не дышите... повернитесь спиной... снова дышите...», после чего стетоскоп вернулся на место, а в руках у эскулапа появилась чайная ложечка, извлечённая из того же кармана. Кажется, серебряная.

Объяснять, что последовало за этим? Вот и я думаю, что незачем. Есть вещи постоянные, неизменные. Как египетские пирамиды или Баальбекская платформа.

И снова ослепительная вспышка в мозгу: я стою, закинув голову, под пронзительно-голубым ливанским небом и люблюсь колоннами из бледно-песчаного камня. Флэшбэк, художественный приём, который так любили в моё время кинематографисты и писатели-фантасты, предпочитающие писать о попаданцах.

...Фантасты? Попаданцы? В моё время? Это, простите, в какое?

Плохо дело. Ничего не понимаю...

Ложечка отправилась следом за стетоскопом. «Айболит» постучал меня согнутым, твёрдым, как дерево, пальцем по груди, потом по спине, под лопатками. В какой-то момент я ожидал, что из кармана возникнет резиновый, на блестящей ручке, молоточек, и меня заставят перекинуть ногу на ногу и примутся стучать по коленям. Но – обошлось. Василий Игнатьич довольно кхекнул и глянул на меня поверх своего пенсне.

– Что ж, юноша, на мой взгляд, вы полном порядке. Галина Петровна, – он повернулся к давешней медсестре, маячащей у него за спиной, – Молодой человек может быть свободным. Послезавтра зайдите, я ещё раз вас осмотрю.

Это уже мне. Я сел, спустив ноги с кровати.

– Так я могу идти, доктор?

– Конечно, можете. – добродушно отозвался он. – Вот, сейчас Галина Петровна принесёт вашу одежду, и отправляйтесь. Если поторопитесь, то успеете ещё в столовую, обед как раз заканчивается. Или, может, сказать, чтобы принесли вам сюда?

Я помотал головой – «обойдусь, мол». И сразу пожалел: столовая означает людей, с которыми придётся здороваться, сидеть за одним столом, разговаривать. А я к этому готов?

Не готов, даже близко. Но, как говорится, слово не воробей. В конце концов, в столовую можно и не ходить...

Только я об этом подумал, как понял, что хочу есть. Да что там, я голоден, как волк! В животе немедленно заурчало, возник откуда-то запах картошки фри и куриных окорочков в панировке – привет кентуккийским цыплятам и полковнику Сандерсу, необыкновенно, кстати, похожему на доктора Василия Игнатича.

Вот что значит дурные привычки городского жителя...

Городской житель? Это я, что ли? И в каком городе я жил? Что ещё за полковник со своими цыплятами из какого-то, прости господи, Кентукки? И вообще, к черту подробности – кто я такой?

...да, жалок тот, в ком... э-э-э... память неполна...¹

Что ж, хотя бы одна утешительная новость: если я ещё способен острить, да ещё и с цитатами из классики – значит не всё так плохо.

Или, наоборот – хуже уже просто некуда?

– Вот, держи: штаны, юнгштурмовка, обувь тоже. Всё новое, ненадёванное. Твоё, старое, сожгли, потому что порядок такой. Да и что его жалеть, тряпьё-то?

Я развернул рубашку, лежавшую сверху принесённой Галиной Петровной стопки. Нечто вроде солдатской гимнастёрки старого образца с накладными карманами, планкой под пуговицы и отложным воротничком вместо стоячего. Ткань плотная, грубоватая, цвета хаки – а ничего так, в стиле «милитари». Вот, кстати, и ремешок имеется, тонкий, из чёрной кожи, с простой латунной пряжкой.

Что тут ещё? Ага, штаны, тёмно-синие, из тонкого сукна – их фасон я после недолгого колебания определил, как полугалифе. К ним полагался ещё один аксессуар, носящий полузнакомое название «гамашки» – нечто вроде чехлов из грубого сукна, которые следовало надевать поверх штанов и застёгивать сбоку на три блестящие оловянные пуговицы.

Такие вот полугалифе с гамашками, торопливо подсказала память, ещё давно, до войны нередко носили ответственные работники из тех, что помельче рангом. Название «юнгштурмовка» тоже, кстати, из тех же лет – оно происходит от униформы немецких коммунистов из Rote Front, наделавших немало шума в конце двадцатых.

...откуда я всё это знаю? А ведь знаю...

Любопытно, а ведь я думаю об этом, как о давно прошедших исторических событиях, тогда как юнгштурмовка – вот она, передо мной и, судя по всему, вполне актуальна среди местной публики.

Теперь – обувь. Обувка, как выразилась Галина Петровна. Крепкие, грубой кожи, ботинки на шнуровке. Ты смотри, действительно, ненадёванные – даже фабричный штамп на

¹ изменённая реплика Бориса Годунова из пьесы А. Пушкина

подошве цел. «Артель «Кожобувь», Харьков». И – ниже: «1929 г.» И глубоко продавленное в коже клеймо в виде перекрещенных серпа и молота.

...Тема для размышления? Ещё какая...

Последний предмет гардероба поверг меня в некоторое уныние. Тюбетейка! Самая настоящая, из синей ткани с несложным узором по краям. В памяти (увы, по-прежнему функционирующей избирательно) тут же промелькнули кадры из фильмов тридцатых ещё годов – пионеры в широких сатиновых трусах, майках и таких же точно тюбетейках.

И что, мне теперь придётся носить это убожество?

Медленно, стараясь тянуть время, я принялся облачаться. Галина свет Петровна не торопилась – стояла рядом и то и дело поправляла какой-нибудь мелкий огрех в моём туалете. Юнгштурмовку, как оказалось, надо было надевать поверх исподней рубашки, выпустив наружу завязанные кокетливым бантиком тесёмки на воротнике. Потом была борьба со складками – я, как выяснилось, совершенно не имел привычки носить ремешки поверх рубашек, и пришлось повозиться, сгоняя лишнюю ткань за спину, так, чтобы полы одеяния не топорщились. Мешало отсутствие зеркала, из-за чего я долго вертелся на месте, пытаюсь обозреть себя со спины.

Но всё когда-нибудь заканчивается. Минут через десять наших совместных мытарств Галина Петровна отошла на два шага, критически обозрела мою облачённую в обновы персону, поправила тюбетейку и, судя по всему, осталась довольна результатом. Я в последней жалкой попытке оттянуть неизбежное одёрнул полы юнгштурмовки и похлопал себя по нагрудным карманам. Пусто.

– Вещички свои получишь у завхоза. – среагировала на мой жест Галина Петровна. – Это в главном корпусе. Тебе всё равно туда идти на обед, вот и спросишь. Он же тебе повседневное выдаст – голошейку, шаровары, тапочки-спортивки, трусики, всё, что полагается.

Больничка – скорее, медсанчасть, из тех, что бывают в пионерских лагерях или небольших воинских гарнизонах, – стояла под раскидистыми клёнами, возле засыпанной песком и выложенной по сторонам половинками кирпичей дорожке. Один её конец вёл к большому бледно-жёлтому двухэтажному зданию, украшенному четырёхколонным портиком. Другой убегал мимо ухоженных кустов к высоченным железным воротам. Над воротами на паре высоких флагштоков развевались красные флажки; на сетчатой вывеске помещалась фанерная звезда со окрещёнными серпом и молотом. Звезда была непривычной, перевёрнутой двумя рожками вверх, как на ордене Красного знамени – отметил я, и тут же забыл об этом нюансе. Потому что ниже звезды дугой шла надпись их фанерных же букв, выкрашенных в красный цвет. Мне эта надпись была видна с обратной стороны, будто отражение в зеркале, и на то, чтобы разобрать её содержание потребовалось несколько секунд.

«Детская трудовая коммуна имени тов. Ягоды».

Я простоял, глядя на ворота, наверное, не меньше пяти минут. «Значит, «имени товарища Ягоды»? – колотилось в пустом, как очищенная до блеска хлебной коркой консервная банка, мозгу? – Вот именно, причём с ударением на «О», и категорически не рекомендуется путать...

Я помотал головой и огляделся. Вокруг буйствует поздняя весна – иначе, откуда взяться такой сочной зелени, такой ярко-зелёной травке на газонах, без следа жухлой желтизны, пронзительному птичьему гомону в ветвях клёнов, обступивших дорожку? Возле медчасти к кирпичного бордюру приткнулся грузовичок, выкрашенный в тёмно-зелёный цвет – это его тараканье я слышал, когда проснулся. Антикварная полуторка ГАЗ-АА, с гнутыми крыльями, проволочной сеткой радиатора, запаской, висящей на дверке кабины, укрытой брезентовым тентом вместо нормальной крыши. Однако, подойдя поближе, я понял, что ошибся – и после недолгих раздумий переквалифицировал агрегат в АМО, что тут же нашло подтверждение в виде в виде блестящего жестяного значка на радиаторной решётке.

Ещё один раритет? И ещё какой: первый советский серийный грузовик, потомок итальянского «Фиат-15», продукция «Автомобильного московского общества», оно же будущий автозавод им. Лихачёва.

Выводы, таким образом, выходили не слишком утешительные.

Несомненно, одно: я заблудился во времени. Всё, что окружает меня, относится к двадцатым-тридцатым годам двадцатого века, тогда как некоторые прорывающиеся воспоминания относятся к куда более поздним временам. И это при том, что собственная личность по-прежнему оставалась для меня загадкой.

Что касается окружающей меня действительности, то память исправно выдавала порции сведений, стоило возникнуть подходящему поводу. Очень просто: увидел грузовичок, и сразу вспомнил и марку, и завод и даже кое-какие технические детали. Надпись и перевёрнутая звезда с пролетарскими символами над воротами тоже вызвали некоторые ассоциации – правда, в них только предстояло разобраться...

Ладно, это потом. А пока имеет смысл дать волю процессу возвращения памяти – пусть и такому, спонтанному и хаотическому. Благо, поводов вокруг сколько угодно, и каждый из них вызывает мгновенный импульс воспоминаний, обогащающий меня новой порцией ценной информации. А пока я неторопливо шагал по дорожке дому с колоннами. Как назвала его уважаемая Галина Петровна – главный корпус? Видимо, этой самой детской трудовой коммуны.

И ведь похоже на то: дорожка ухоженная, посыпана свежим золотистым песком; попадающиеся навстречу мальчишки и девчонки (надо полагать, торопятся с обеда, на который я, кажется, уже опоздал?) – все опрятно одеты, улыбочивые, энергичные. Мальчики в сатиновых, до колен, трусиках или тёмных шароварах, собранных у лодыжек; сверху – нечто вроде футболок, надо полагать, те самые голошейки. Многие босиком, остальные в лёгких тряпичных тапочках или сандалиях. Девочки, как водится, понаряднее – юбочки ниже колен, нередко плиссированные, и пёстрые блузки с кружавчиками или вышивкой по вороту. У многих «коммунаров» в руках книжки и тетради, а кое-кто даже читает на ходу – в точности, как в «Приключениях Шурика», заглядывая в книжку через плечо спутника.

Некоторые, впрочем, предпочитают спортивный стиль: например вон та, хорошенькая, лет пятнадцати, со вздернутым носиком и веселыми живыми глазами, щеголяет в шароварах и тенниске – у этой в руках не книжка, волейбольный мяч. Она задорно улыбнулась мне и, ничуть не стесняясь, крикнула подруге:

– Новенький! Смотрите, какой красивый, в парадке!

Я криво улыбнулся в ответ.

Возраст попадавшихся мне навстречу «коммунаров» был самый разный. Были и мелкие, лет одиннадцати-двенадцати, и совсем взрослые девчонки и парни с пробивающейся над верхней губой тёмной полоской. Мелькали и взрослые, правда, совсем немного – на некоторых я заметил спецовки из плотной, похожей на брезент, ткани с масляными пятнами. Ну да, коммуна-то рабочая...

Я обернулся – так и есть, за кронами деревьев пачкала небо угольной копотью тонкая железная труба. Завод? Фабрика? В памяти тут же всплыло название то ли фильма, то ли книги – «Флаги на башнях». Только вот автора, хоть убей, не вспомню. Но – тридцатые годы прошлого века, это точно.

В распахнутых дверях «главного корпуса» стоял пацан лет тринадцати, стриженный под машинку, лобастый, чрезвычайно серьёзный. Среди прочих коммунаров он выделялся строго официальным костюмом, в точности повторявшим тот, что был на мне, и трёхлинейкой с припкнутым штыком. Винтовка была несообразно длинной для его росточка, и пацан держал её обеими руками за дуло – на рукаве я заметил вышитый золотыми нитками вензель «Д.Т.К. им. Тов. Ягоды».

Между прочим, судя по названию, заведение находится под покровительством чекистов – если обрывки памяти мне не лгут, именно это учреждение и возглавлял Генрих Гершенович... прошу прощения, Генрих Григорьевич. Ну, хорошо, не возглавлял, но фактически, руководил, занимая пост первого зама при вечно больном Менжинском.

...Вот откуда я всё это знаю? А знаю ведь...

Ответ возник почти сразу, в ставшем уже привычным режиме флэшбэка. Жёлтая обложка, на ней строгое лицо человека в фуражке на фоне каких-то архивных бумаг и даже, кажется, отпечатков пальцев на дактилоскопической карточке. Название: «Генрих Ягода – смерть главного чекиста». Имени автора я не разобрал, зато прочёл идущую понизу надпись: «Мемуары под грифом «секретно». И, ниже – год издания, 1994.

То есть, я эту книгу читал? Выходит – да, читал, причём в том самом 1994-м году. Ну, или немного позже.

Значит, всё-таки попаданец? Вот ведь, прилипло неизвестно откуда дурацкое словечко... А как по-другому объяснить всплывающие то и дело картинки из восьмидесятых, девяностых годов, даже начала следующего, двадцать первого века? Правда, они совсем уж фрагментарны, обрывочны, ну так лиха беда начало...

Нет, главное сейчас – это разобраться с самим собой, с воспоминаниями, касающимися собственного прошлого. А прочее рано или поздно приложится.

– Тебе чего? – неласково спросил часовой и, не дожидаясь ответа, повернулся и крикнул в дверь:

– Тоха?! Тошка, ты что там, заснул? Тут новенький пришёл, сгоняй за Стеценко! Он ведь сегодня дежком?

Из дверей ответили жизнерадостным «Ага, щас!», потом застучали по полу пятки – судя по звуку, не отягощённые обувью.

– Посиди тут пока, подожди. – распорядился часовой и кивнул на стоящую возле крыльца скамейку. – Когда ещё Стеценко придёт – что тебе, торчать на проходе, под ногами путаться?

Я спорить не стал и уселся, куда было сказано. Не прошло и пяти минут, как на крыльце возник пацан в белой майке-голошейке и синих трусиках – судя по босым ногам, это и был давешний Тоха. Под мышкой он зажимал сигнальную трубу, золотящуюся на солнце начищенной латунью. Он кивнул часовому – «Стеценко занят, пусть немного подождёт...», – встал на краю верхней ступеньки, быстро облизал губы и, вскинув, свой инструмент, издал несколько отрывистых музыкальных трелей. И почти сразу из дверей хлынул поток обитателей коммуны – весело переговариваясь, они торопились в сторону дымящей за деревьями трубы.

Трубач, поймав мой взгляд, озорно подмигнул и скрылся в здании.

– Что это было, а? – спросил я у часового. – В смысле, кому сигналили?

– Кто, Тоха? Так это на работу, после обеда.

Поток коммунаров быстро редел, и через полминуты из дверей выбегали только одиночки.

Шагах в трёх от скамейки, возле ступеней возник из пустоты большой полосатый кот. Он уселся столбиком и начал умываться, совершенно не обращая внимания на пробегающих мимо пацанов и девчонок.

– Кис-кис-кис! – позвал я.

В ответ кот смерил меня презрительным взглядом жёлтых глаз, зевнул, широко разинув розовую пасть, и продолжил прерванное занятие. Я вздохнул и повозился, устраиваясь на скамейке.

Ждать, так ждать. Раз велено, да ещё и таким солидным официальным товарищем – значит, будем ждать...

Ожидание растянулось на четверть часа. Кот к тому времени закончил умываться и ушёл куда-то по своим кошачьим делам. Я же, не дождавшись очередного просветления в памяти, убивал время, наблюдая за снующими туда-сюда коммунарами. Видимо, сигнал, поданный голоногим Тохой, относился не ко всем, поскольку на скамейках появилось довольно много читающих ребят и девчонок, другие шли куда-то с мячами и полотенцами – то ли купаться, то ли на спортплощадку. Пронеслась мимо галдящая стайка пацанов лет десяти-двенадцати, тащивших в шесть рук большой коробчатый воздушный змей и на бегу обсуждавших, полетит он, или не полетит. По мне, так не должен – при таком способе переноски хрупкое изделие наверняка разнесут в клочки задолго до старта.

Жизнь, тем временем, кипела. По дорожкам зашкрябали мётлы, двое коммунаров приволокли носилки с песком и принялись посыпать дорожки, другие, с лейками и тяпками, занялись цветочными клумбами. А я сидел и прикидывал, покормят меня сегодня или нет – ползучий голод всё сильнее давал о себе знать. Сколько я не ел, с утра? Со вчерашнего вечера?

...Вспомнить бы...

Стеценко (загадочное слово «дежком» означало, как выяснилось, «дежурный командир») оказался парнем лет семнадцати, высокий, широкоплечий, он щеголял не стрижкой под машинку а аккуратной причёской, сделанной явно профессиональным парикмахером. Одет он был так же, как и часовой, в «парадку» – похоже, это была привилегия официальных лиц, да новичков, вроде меня.

Расспрашивать он не стал. Вместо этого критически оглядел мою особу, поправил пояс юнштурмовки – «коммунар должен быть опрятным!» – и сделал знак идти за собой. Как оказалось, в столовую, которая была тут же, на первом этаже, в левом крыле здания. Там уже вовсю шла уборка – дежурные в белых халатах подметали пол, вытирали столы и расставляли стулья. Мне принесли тарелку с борщом, ещё одну с кашей, от души сдобренной маслом, и чай с сахаром. Хлеб – толстые серые ломти – прилагался в потребном количестве, так что на следующие минут десять я выпал из реальности, и даже не отвечал на вопросы Стеценко. Тем более, что и отвечать-то было особо нечего: его интересовало откуда я и почему направлен в коммуну – а что я мог ему ответить? Здешние мои воспоминания (флэшбэки, ясное дело, не в счёт) начинались с момента пробуждения в медчасти, а это вряд ли могло удовлетворить собеседника.

После обеда (мне показали, куда полагается относить грязную посуду) Стеценко направился на второй этаж, куда из холла вела широкая парадная лестница. Я пошёл за ним, ожидая, что вот сейчас меня отконвоируют в кабинет какого-нибудь высокого начальства, на предмет знакомства, расспросов и определения дальнейшей судьбы. Но нет, оказывается, всё решено заранее: Стеценко сообщил, что я зачислен в пятый отряд, и даже провёл по длинному коридору, чтобы показать дверь спальни с латунной табличкой с цифрой «пять». Правда, объяснил он, сейчас отряд в полном составе на работе; торчать же в спальнях днём не полагается, и встреча с будущими товарищами откладывается, таким образом, до вечера. Что ж, тем лучше: при нынешнем душевном раздразе я, пожалуй, не готов к подобной встрече. Надо бы собрать мысли в кучку, прийти в себя, сосредоточиться – и уж тогда...

Мы снова спустились на первый этаж, где в противоположном от столовой крыле «главного корпуса» помещался актовый зал. «Посиди пока тут, посмотри, – сказал провожатый. – Командир твой Семён Олейник. Я сообщу ему, чтобы после работы забрал тебя в отряд. С ребятами познакомишься, о порядках наших узнаешь. На ужин пойдёшь уже вместе со всеми».

Я, понятное дело, не возражал.

В зале шла репетиция театрального кружка. Ставили что-то незнакомое, но явно революционное, и это заняло меня примерно на полчаса, после чего стало скучно. Реплики самодеятельных артистов и непрерывные поучения режиссёра, сорокалетнего, тощего, как щепка,

дядьки, видимо здешнего массовика-затейника, не давали сосредоточиться на своих мыслях. Пришлось тихонько пробираться к выходу и выскальзывать в коридор.

Народу здесь не было; удаляться от актового зала я не рискнул, тем более, что и в коридоре нашлось нечто, куда интереснее безвестной революционной пьесы. Длинный, в половину стены, фанерный стенд с прессой! «Харьковский пролетарий», «Молодой ленинец» – официальные издания, отпечатанные мелким типографским шрифтом на плохой серожёлтой бумаге. И дата, одна и та же на обеих газетах....

Я даже не особенно удивился, получив подтверждение самых пессимистических своих прогнозов. Всё, точки над «і» расставлены. Коммуна имени товарища Ягоды, куда зашвырнули меня неведомые силы, находится на Украине, видимо, где-то возле Харькова, нынешней столицы республики. На дворе – двадцать третья мая тысяча девятьсот двадцать девятого года.

...Ну что, доволен... попаданец?..

Чтобы как-то успокоить встрёпанные эмоции, я принялся читать передовицу «Харьковского пролетария». В ней гневно клеймились низкие темпы идущей согласно «совместному постановлению ВУЦИК и СНК УССР полной украинизации советского аппарата» – с грозными обещаниями неумолимо вычищать госслужащих, до сих пор не удосужившихся овладеть украинским языком. А так же, страстными призывами завершить к тридцать первому году процесс перевода на этот язык всех высших учебных заведений республики. Что-то мне это напомнило... что-то важное, но вот что именно? Ладно, потом, а пока – я стал изучать стенгазету «Коммунар» на трёх склеенных больших листах, со статьями, частично написанными от руки, частично отпечатанными на машинке, а так же рисунками разной степени неумелости.

Интуиция подсказывала, что вскорости мне самому придётся заняться подобным общественно полезным творчеством.

И, скорее всего, не только им.

II

В этот вечер знакомства толком не вышло: перед ужином пришлось в сопровождении Олейника идти к завхозу, получать положенное «вещное довольствие»: постельное бельё, повседневную одежду, полотенце и прочее «мыльце и рыльце». Кстати, моих собственных «вещичек» не оказалось – видимо, я прибыл в коммуны налегке.

Ещё одна ниточка, за которую не получилось потянуть. А я, признаться, рассчитывал...

После ужина (макарон по-флотски и чай) пятый отряд организованно, в полном составе отправился на спортплощадку. Предстоял давно, как оказалось, ожидаемый матч по волейболу между сборной коммуны и командой шефствующего над ней местного отделения ГПУ (не подвела логика, не подвела!) – и следующие полтора часа мы провели, сидя на деревянных скамейках, установленных по бокам площадки. Точнее, не сидя, а вскакивая, вопя, потрясая в воздухе тубетейками, обнимаясь при каждом мяче, забитом «нашими» и хватаясь за голову, когда спортивное счастье улыбалось гостям. К тому времени я уже выучил имена и фамилии нескольких будущих моих товарищей по пятому отряду. Лёвка Семенченко, высокий, узколицый парубок из-под Житомира, собирающийся стать лётчиком; Олег Копытин, его ровесник и полная противоположность – эдакий боровичок с белым ёжиком волос на голове, чей предел мечтаний составляло получение разряда по слесарному делу; Тарас Перебийнос – уроженец Полтавы, изъясняющийся с неистребимым малороссийским акцентом и всё время рассказывающий о живущем в Туркестане старшем брате, который что ни месяц, шлёт письма с приглашениями к себе.

Ребята в отряде подобрались примерно одного возраста, от четырнадцати до восемнадцати лет, – все они посещали разные классы школы, а после учёбы работали на небольшом заводе, составлявшем гордость коммуны имени товарища Ягоды.

Несмотря на массу полученных сведений, моё представление коллективу оказалось скромным. Возможно, впрочем, «комотряда» – так называли Олейника и других коммунаров, занимающих аналогичные должности – нарочно не стал устраивать знакомства, видимо, догадываясь, что новичку особенно нечего о себе рассказать? А может, получил на этот счёт от Стеценко или другого местного начальства? Так или иначе, меня это устраивало.

Эпохальный матч (чекисты победили с разгромным счётом «семь-пятнадцать») досуха выжил не только игроков, но и зрителей – а потому, проделав положенные на ночь гигиенические процедуры, для чего в конце коридора имелась умывальня, она же душевая с длинным рукомойником и дюжиной выложенных кафелем кабинок с жестяными дырчатыми конусами под потолком, мы стали готовиться ко сну. Не все, впрочем – кто-то листал на ночь книжку, кто-то пришивал оторванную пуговицу, а Олейник с Семенченко устроились в углу за шахматами. Я же, отразив вялые попытки Перебийноса втянуть меня в доверительный разговор, сказался уставшим (нисколько при этом не покривив душой), разобрал кровать и лёг.

Сон, однако, не шёл – даже когда за окном пропела Тохина труба и свет в комнате погас. Обрывки воспоминаний кружились падающими осенними листьями в утомлённом свистопляской этого дня мозгу. Они возникали ниоткуда, мелькали, ударялись одно о другое, разлетались в разные стороны цветными камушками, кусочками мозаики, пёстрыми паззлами, но увы, никак не желали складываться в цельную картину. Я закинул руки за голову и стал смотреть в окно, куда заглядывала большая масляно-жёлтая луна.

Может, грядущая ночь поможет навести в голове порядок? Недаром говорят, что утро вечера мудренее: проснусь вот по сигналу трубы, ополосну лицо холодной водой, погружу за выданную завхозом зубную щётку в картонную плоскую коробку с зубным порошком – и внешне осознаю, что память вернулась ко мне в полном объёме? А что? Очень даже просто, как выразился по какому-то поводу сопящий на соседней кровати Олег Копытин.

... И, кстати – что такое «паззлы»?..

... Три слоя, три уровня памяти – и я скользил по ним во сне, и фрагменты воспоминаний послушно вплетались в общую ткань, затягивая прорехи, восстанавливая цельный рисунок, раздёрванный до сих пор на отдельные куски. Но порой прореха оказывалась слишком большой, и тогда приходилось останавливаться и двигаться в обход, осторожно нащупывая путь, чтобы ненароком не сорваться в чёрную пустоту беспомыслия и безвременья, откуда – я почему-то знал это наверняка – придётся возвращаться к отправной точке и всё начинать заново.

Итак, первый слой – это общие воспоминания. Прочитанные за всю жизнь книги, газетные и журнальные статьи, просмотренные фильмы и телепередачи, выученные школьные уроки и прослушанные институтские лекции. То, чего успел нахвататься вольно или невольно, объём накопленных знаний, представлений об окружающем мире в пространственном или временном измерении, неважно ложных или истинных – причём не персонифицированных, оторванных от личности «восприимца».

Как ни странно, это слой легче всего поддавался реставрации. Годы, десятилетия легко укладывались в общую мозаику, события вытекали одно из другого, обильно сдабриваясь пластиками художественной литературы, научными и не очень знаниями, которых я успел нахвататься за свою жизнь. И то, что я увидел вчера – от названия коммуны до грузовичка АМО и передовицы в газете «Харьковский пролетарий» – отличнейше в эту картину укладывалось. Скажу больше: процесс реставрации этого слоя памяти стартовал чуть ли не с того момента, когда я пришёл в себя в медчасти – в виде тех самых флэшбэков.

Второй слой – это уже я сам. Моя личная, персональная память, весь объём воспоминаний о прожитой жизни, обо всех этих десятилетиях, миновавших, прежде чем я совершил этот невероятный скачок на сто без малого лет назад. Бытовые сцены, моменты интимные и семейные, увлечения, поездки – всё то, что составляет содержание повседневной жизни любого чело-

века. Тянулись эти воспоминания из сопливого детства, примерно до 2018-го года, а дальше лакуны памяти («здесь помню, здесь не помню» – как в «Джентльменах удачи») сливались в одно сплошное белое пятно. Причём то, что относилось к этим временам в первом, «общем» слое воспоминаний пребывало в полном порядке – возможно, из-за того, что события эти с моей личной точки зрения произошли буквально вчера, и впечатления о них не успели ещё побледнеть, выцвести от времени.

Но и тут имелась некоторая обнадёживающая перспектива: оказалось, если ухватиться за кончик одной из нитей, из которых сплетался первый, «общий», слой, то иногда можно, потянув за неё, вытащить что-то, относящееся и ко второму слою. Как я проделывал это во сне – не спрашивайте. Скорее всего, просто понял, что подобный трюк возможен, но исполнение его придётся отложить на потом, когда я буду уже бодрствовать.

А ещё я отчего-то совершенно точно знал, что именно там, в этих прорехах памяти и прячется загадка моего попаданства. А значит – есть шанс рано или поздно до неё докопаться.

Что ж, уже неплохо. Осталось только освоить методику реставрации воспоминаний, и можно приступать...

Оставался третий слой, воспоминания того, чьё тело я бесцеремонно занял. И вот с ним дело обстояло хуже всего, поскольку ни малейшего следа чужого сознания не нашлось в самом дальнем уголке мозга, и оставалось надеяться, что личность бедняги не растворилась в мировом эфире, а заняла освободившееся место – примерно так, как это описано в романе Шекли «Обмен разумов». Впрочем, там, если не изменяет мне то, что осталось от моей памяти, «все-ленец» наследовал вместе с телом ещё и некий базовый слой сознания – простейшие навыки, общую память и прочее, необходимое, чтобы освоиться на «новом месте». В моём же случае ничего подобного не было – всё, включая бытовые привычки и профессиональные навыки принадлежало пятидесятивосьмилетнему мужику, неизвестно по чьей воле оказавшемся в теле пятнадцатилетнего пацана. Хотя, если подумать, то ещё утешение: пацан-то оказался бы в том, потрёпанном жизнью, изрядно изношенном теле – и тоже без минимума необходимых знаний и навыков. Ещё неизвестно, что бы я предпочёл на его месте...

А всё же, этот третий, «юношеский» слой памяти оказался не вполне пуст. Нет, я по-прежнему понятия не имел, где родился Лёха, какую фамилию он носил, кто его родители. Но воспоминания, как выяснилось, начинались несколько раньше пробуждения в медчасти. Вот я в комнате без окон – сижу на грубом деревянном кресле, опутанный проводами, на голове металлический то ли шлем, то ли шапочка, от которой кабельный жгут идёт за спину. Руки и ноги притянуты к креслу широкими ремнями, что наводит на неприятные ассоциации с электрическим стулом... Вот меня под руки извлекают из кресла и куда-то ведут – взгляд выхватывает висящий на стене мутный аэрофотоснимок с надписью химическим карандашом: «Сейдозеро» и дата, март 1923 года. Вот я в автомобиле, на заднем, широком, как диван сиденье. Шторки на окнах задёрнуты неплотно, в образовавшуюся щель мне видны улицы большого оживлённого города – ломовые подводы, трамвай, отчаянно звенящий и рассыпающий искры, грузовички, вроде давешнего АМО, легковые автомобили, открытые или с поднятым тентом...

Следующая картинка: я в железнодорожном вагоне, в купе – невиданная роскошь для пятнадцатилетнего мальчугана. Сопровождающий, угрюмый, неразговорчивый тип, принимает от конвоира в форменном кителе и с кобурой на поясе картонную папку с надписью «личное дело» и засовывает её в портфель. Имени-фамилии на папке я не разобрал, зато запомнил весёленькие жёлтые завязки из шнурков от ботинок.

И последний «кадр»: купе опрокидывается, словно аппарат, которым снимали этот фильм швырнули на пол; на меня накатывает приступ дурноты, я падаю спиной на вагонный диванчик, и...

И всё. Дальше – только кровать с никелированными шишечками, солнце за окном и медсестра Галина Петровна. И вопрос, на который, как ни бейся, ответа не найти: «чья это воспоминания, мои собственные, или того паренька, чьё место я занимаю?»

Из этого полусна-полувидения и полнейшего бреда меня выбросил чистый, звонкий звук сигнальной трубы. «Подъём, подъём! Кто спит, того убьём!» – выводил Тоха или его напарник, чья очередь пришла сегодня поднимать трудовую коммуны имени товарища Ягоды ото сна – и словно услышав этот жизнерадостный призыв, кто-то бесцеремонно сдёрнул с меня одеяло.

Я открыл глаза. Олейник, кто бы сомневался...

– Эй, Давыдов, чего разлётся? Вставай, сейчас уборку начинаем. А ты бегом в умывальню, и смотри не халтурь – сегодня Люба дэчээска!

Давыдов – это, значит, моя фамилия? И что ещё за таинственный «дэчээска» с девичьим именем? Я сел на кровати и невольно зажмурился – в окно, прямо в лицо, били лучи майского солнца.

За время короткого визита в «умывальню» – там с утра было довольнолюдно, коммунары торопились привести себя в порядок перед «поверкой» – я узнал смысл термина «дэчээска». Всё просто: аббревиатура, скрывающая вполне тривиальную должность «дежурный член санитарной комиссии». Мог бы и догадаться, а то и просто вспомнить – мелькало ведь что-то такое в проглоченных в студенческой молодости сочинениях Макаренко...

Вообще, знакомство с «Педагогической поэмой» и другой нетленкой, сотворённой советским педагогом-новатором изрядно облегчало мне жизнь – особенно теперь, когда я сумел примирить собственные воспоминания с окружающей меня реальностью. Не совсем, разумеется: зияющие дыры остались, и они, похоже, скрывают самое для меня важное – как и зачем я оказался «здесь и сейчас»? По какой такой причине сознание пожилого мужчины из первой четверти двадцать первого века перенеслось в тело трудного подростка первой трети века двадцатого? Почему сразу трудного? Очень просто: коммуна явно организована по образцу макаренковской, хотя начальник её и носит фамилию Погожаев – а туда, помнится, направляли сплошь беспризорников и малолетних правонарушителей. Значит, и мой «реципиент» из таких, но я, как ни старался, не сумел вспомнить ничего, относящегося к его биографии.

Зато со своей разобраться более-менее получилось – утро действительно оказалось мудренее вечера. Конечно, всё это предстоит ещё систематизировать, разложить по полочкам, да просто научиться применять к своей персоне без возникающего ощущения когнитивного диссонанса – но потом, потом...

А сейчас – я вместе с семью другими пацанами (в нашей спальне восемь человек, в пятом отряде – двадцать, мы занимаем три спальни) стою, выстроившись посреди комнаты, и наблюдаю, как строгий дежурный командир в компании не менее строгой «дэчээска» Любы Поливановой придирчиво выискивают упущения в санитарно-гигиенической картине нашего дружного коллектива. И находят, к безмерному стыду, в моём лице. Ногти не подстрижены – кошмар, ужас, АдЪ и Израиль...

Что любопытно, выговор за это получил не я, как тип несведущий, ненадёжный и никак пока себя не проявивший, а комотряда Олейник. Надо было видеть, как пошла красными пятнами его круглая физиономия! Но дисциплина здесь на высоте – он звонко отчеканил «Есть проследить за новичком!» – и отмахнул правой рукой подобие пионерского салюта. Вообще, как я успел заметить, этот жест здесь сопровождает получение любого официального указания – от распоряжения отнести стул в другую комнату до сдачи рапорта дежурному командиру во время поверки. И коммунарам эти игрушки, похоже, нравятся...

После завтрака (сладкая рисовая каша на молоке, кубик золотистого масла, чай и вдоволь хлеба) Мы отправились в школу – благо, до окончания учебного года оставалось ещё больше недели. Выяснилось, что члены нашего отряда ходят в разные классы – здесь их назы-

вали «группы» – кто в четвёртую, кто в седьмую, а кто и вовсе в девятую. Обучение к моему удивлению велось тут совместно, мальчики и девочки сидели в классных комнатах вместе. А я-то думал, что с раздельным обучением в школах покончили только после войны, году, эдак, в пятьдесят четвёртом-пятьдесят пятом.

Но к делу. Школа помещалась в отдельном здании позади главного корпуса. На уроки я не попал – меня отвели в кабинет заведующего и предложили посидеть, подождать. После чего, как сообщил Олейник, предстояло собеседование куда как более ответственное и судьбоносное – с самим начальником коммуны. Он сообщил это с чрезвычайно многозначительным видом, подняв к потолку (вероятно, для пушей убедительности) палец. Я проникся, сел на стул и стал ждать, рассматривая от нечего делать корешки книг в книжном шкафу. Обнаружив полку с учебниками, я подошёл, и стал один за другим, вытаскивать их и пролистывать. Раз уж мне предстояло валять дурака, изображая из себя школьника-недоучку – следовало, раз уж подвернулась возможность, определить для себя порог знаний. Незачем корчить из себя вундеркинда... как, впрочем, и недоумка. Ничем не примечательный середнячок – вот мой выбор на текущий момент.

– Интересуетесь, молодой человек?

Я обернулся. В дверях кабинета стоял невысокий плотный мужчина лет тридцати пяти, с бритой налысо головой и висячими запорожскими усами. Весь его облик прямо-таки вопил о малороссийском происхождении – не хватало, пожалуй, чуба-чуприны и вышиванки – и тем удивительнее было слышать в его устах чистый хрестоматийный русский язык, без всяких там московский «аканий» и ярославских «оканий». В моё время так говорили дикторы на радио, да и то, лишь те, что состоялись в профессии во времена СССР.

– Извините я так... ждал, и вот, решил посмотреть. – я старательно изображал смущение.

– Ничего-ничего, это даже похвально! – поспешил успокоить меня незнакомец. – Да ты присядь, в ногах правды нет.

Я сел на стул, приткнувшись возле письменного стола.

– Ну что, нашёл что-нибудь знакомое? – он указал на полку с учебниками. – Для начала... Алексей Давыдов, так?

Я кивнул.

– А я – Тарас Игнатьевич Доценко, заведующий школой. – представился он. – Так вот, Алёша, для начала нам надо понять, в какую группу тебя определить. Ты ведь ходил раньше в школу? А то мне передали, что у тебя нелады с памятью...

Он наклонился, защёлкал ключиком и извлёк из ящика стола листок.

– Вот: «частичная амнезия, ожидается прогресс... это значит, что ты забыл, что с тобой было раньше, но это скоро пройдёт, верно?»

Я пожал плечами.

– Не знаю... доктор, вроде, говорил что-то такое. Да я уже кое-что вспоминаю, только мало и обрывками.

Насчёт разговора с доктором я покривил душой. До сих пор я ни с кем не обсуждал проблемы со своей памятью. Значит, они здесь и это знают? Что ж, будем иметь в виду. А пока – грех не воспользоваться такой роскошной возможностью.

– Так вот, насчёт школы... – продолжал заведующий. – Не припомнишь, в какую группу ты ходил? Или попробуем поспрашивать тебя по разным предметам?

Я помотал головой. Только экзамена мне сейчас не хватало!

– Про школу – да, помню, я был в седьмой группе. Только, наверное, не успел закончить.

Тарас Игнатьевич взял со стола карандаш и в раздумье постучал тупым кончиком по столешнице.

– Пожалуй, сейчас отправлять тебя на занятия не стоит – осталось-то всего ничего, меньше двух недель. Давай сделаем так: летом мы с тобой познакомимся получше, выясним,

как у тебя со знаниями, если понадобится, подтянем по разным предметам. А ближе к осени уже и решим, в какой группе ты будешь заниматься. Кстати... он посмотрел на меня с лёгкой хитрецой, – как ты относишься к географии?

– Очень хорошо отношусь! – ответил я. – Это у меня был самый любимый предмет.

Едва войдя в кабинет, я заприметил в углу, на резной подставке, большой, очень красивый и явно старинный глобус с названиями океанов и континентов, сделанными на английском – и он натолкнул меня на одну любопытную мысль.

– Вот и замечательно! – обрадовался мой собеседник. – Я как раз преподаю этот предмет. Значит, поработаем вместе?

Я мотнул головой в знак согласия. Собственно, пришедшая мне в голову идея была проста. Чтобы в моём положении – весьма, надо сказать, неопределённом – чувствовать себя хоть сколько-нибудь уверенно, лучше всего найти некий образец, прототип, по которому и выстраивать своё поведение. И я подумал о том, чтобы выбрать в этом качестве Саню Григорьева, главного героя «Двух капитанов» – лучшего детского (а может, и вообще лучшего) романа в советской литературе. А что? Его поведение и мотивация прописаны Вениамином Каверинным весьма и весьма подробно, разного рода нюансы легко скорректировать, а географию – по сути, стержень Саниных интересов и жизненных планов – я на самом деле всегда любил и знал очень даже неплохо. Да авиацией, если не обманывает память, интересовался всю свою жизнь, а это здесь популярная тема. Осталось, усмехнулся я про себя, найти Катю Татарину – и дело, можно сказать, в шляпе...

Мои мысли прервал задрезжавший в коридоре звонок.

– Перемена закончилась. – сообщил заведующий и поднялся из-за стола. – Мне пора на урок, а сейчас, давай-ка я провожу тебя к начальнику коммуны.

– Не нужно, Тарас Игнатьевич! – торопливо отозвался я. – Я и сам дойду. Олейник... наш комотряда вчера показывал, где это.

– Вот и ладно! – заведующий кивнул, как мне показалось, с некоторым облегчением. – если что, спросишь у постового на входе в главный корпус, он вызовет дежурного командира и тебя отведут.

Направляясь на приём к начальству, я на полном серьёзе ожидал увидеть кого-то, похожего на Макаренко – каким он представлялся мне по книгам и фильму «Флаги на башнях». Полувоенный френч, маленькие усики, пенсне или очки в проволочной оправе. И обязательно – понимающий, слегка ироничный взгляд и особая манера на равных говорить с собеседником, даже если тому всего-то пятнадцать лет от роду. В общем, готовая икона советской педагогики.

Действительность же обернулась для меня настоящим сломом шаблона. Начальник более всего напомнил мне счетовода Вотрубку из старой телепередачи «Кабачок 13 стульев», причём, как внешностью – низенький, полноватый, с огромными залысинами и сморщенным, улыбающимся круглым лицом – так и повадками патентованного бюрократа. На лацкане потёртого пиджака я заметил значок – маленький, размером с двухкопеечную монету, тёмно-бордовый кружок с золотой каёмкой и золотым же профилем. Узнаваемая кепка, усы, борода – какой-то отличительный знак члена ВКП (б)? Никогда не слышал о таких...

...А может, просто ещё не вспомнил?..

Со мной «Вотруба» разговаривать не стал, и даже не счёл нужным представиться – видимо, предполагалось, что любой, оказавшийся в этом кабинете заранее знает, что его владельца зовут Егор Антонович Погожаев, и занимает он ответственную должность заведующего детской колонии номер 34, иначе именуемой «Трудовая коммуна имени тов. Ягоды». Вместо этого он ткнул пальцем в узкий кожаный диванчик для посетителей напротив своего, необъятного, как флайдек авианосца, стола, и погрузился в изучение папки с личным делом. Моим личным делом, надо полагать. Фамилии на таком расстоянии было не разобрать, зато я раз-

глядел фиолетовый штамп «спецотдела» – и в тот же самый момент меня накрыло очередным флэшбэком.

Комната. Гардероб со стоящим наверху умирающим аспарагусом в облитом глиняном горшке. Книжный шкафчик на тонких ножках (обложки – сплошь фантастика и приключенческие книжки, слегка разбавленные популярными изданиями по военной истории); на шкафчике – проигрыватель «Мелодия» под запылённой прозрачной крышкой. Рядом – несколько моделей самолётов, старательно склеенные из раскрашенного картона – продукция польского журнала «Maly Modelarz». На стене обшарпанная гитара мужественно перекрещена с ледорубом на деревянной ручке, такие ещё называли ВЦСПС-овскими... Да это же моя собственная комната из благословенных студенческих лет, начало восьмидесятых!

Картинка сменилась. Стол, настольная лампа со слегка прямоугольным абажуром из толстого зелёного пластика. Угол слегка деформирован, словно оплыл – помнится, я вернул слишком мощную лампочку, и очнулся, только когда в комнате запахло разогретой пластмассой. На столе картонная папка официального вида. Нет, поправил я себя, не папка, а амбарная книга, вся выцветшая, потёртая, растрёпанная по краям. На обложке, под типографской надписью «Книга учёта» значилось: «лабораторная тетрадь №...» А ниже, в выцветшей лиловой рамке знакомый до боли штамп...

Флэшбэк отпустил меня так же внезапно, как и начался. Я помотал головой, разжал пальцы, мёртвой хваткой сжимающие подлокотник.

ГПУ, значит? Совсем интересно. Впрочем, я ведь предполагал что-то в этом роде?..

– Ты что, оглох, Давыдов? – скрипучий голос «Вотрубы» цапнул меня по сознанию, не вполне отошедшему от флэшбэка. – Второй раз спрашиваю: с отрядом уже познакомился? Вещи получил?

Я кивнул, не в силах выговорить хотя бы слово. Шапки, буквы на обложке «Личного дела» расплывались. Я заморгал, пытаюсь сфокусировать взгляд.

Не получается. Любопытно, теперь после флэшбэков всегда так, или это особый случай?

– В школе уже был? В какую группу тебя определили?

Я в двух словах рассказал о беседе с географом.

– Претензий, просьб нет? – продолжал допытываться «Вотруба». Я помотал головой. Просьба имелась, конечно, но вряд ли он будет настолько снисходителен, что даст полистать ту папочку...

И действительно, Егор Антонович сгрёб папку со стола, сунул в выдвижной ящик и с металлическим скрипом провернул ключ.

– Раз нет – можешь быть свободен. Сегодня отдыхай, а завтра выйдешь с отрядом на работу. Вечером кино, новый фильм привезли, сходишь с ребятами...

Я понял, что беседа окончена и встал.

– Разрешите идти, гражданин начальник?

Это была хулиганская выходка, и она «Вотрубе» не понравилась – судя потому, как скривилась круглая бухгалтерская физиономия.

Ко мне следует обращаться «Товарищ руководитель коммуны». – недовольно сказал он. – Или по имени отчеству, но только если не во время общего построения... и вообще не в официальной обстановке. Это понятно?

Я изобразил глубокое раскаяние.

– Да, понятно. Извините, Егор Антонович, я не знал.

– Теперь знаешь. Ну, ступай. И в следующий раз отвечай не «да», а «так точно» и «есть».

У нас здесь, знаешь ли, дисциплина!

Я выскочил за дверь и замер, прислонившись к стене коридора. Рубашка на теле буквально плавала от пота. Проходящие мимо двое коммунаров покосились на меня с сочувствием.

...Ну, дела! А папочка-то интересная, надо будет иметь в виду...

III

Сигнал к обеду привёл меня в чувство. На этот раз мне не нужны были провожатые – я оказался в столовой даже раньше, чем прочие члены пятого отряда, которым надо было ещё пересечь широкий двор, а потому некоторое время сидел в одиночестве, дожидаясь остальных. Как выяснилось, напрасно – разговоров, шуточек, оживления сегодня за обедом не было, на заводе имела место некая «запарка», и часть ребят не сумели прийти вовремя, попросив товарищей сберечь их порции. Остальные торопливо проглатывали пищу и убегали, не дожидаясь сигнала тёмкиной трубы. В какой-то момент я даже почувствовал себя неловко: люди, можно сказать, горят на работе, а я сижу, расслабляюсь, и если о чём и беспокоюсь, так это чем занять послеобеденное время.

Но совесть мучила меня недолго, было о чём подумать. Например, о папочке в столе заведующего, которая всё никак не давала мне покоя. Как и о недавнем флэшбэке – если только вид обложки вызвал столь бурный всплеск воспоминаний, то что будет, если заглянуть внутрь? Там спрятан один из ключей к загадке того, что со мной творится, и пока я это не проясню, то дальше, скорее всего, не продвинусь.

А пока – не сходить ли искупнуться? Я уже знал, что за кленовой рощей, что раскинулась на краю стадиона, находится озерко, и коммунары частенько бегают туда окунуться. Олег Копытин вчера вечером даже успел рассказать, как позапрошлым летом они чистили его от ила, как это было весело и трудно, и каким хорошим и твёрдым стало теперь дно возле берега.

Решено, иду! Я заскочил в спальню за полотенцем и вместе с другими коммунарами, покончившими с обедом, покинул главный корпус.

Мне повезло – народу на пляже не было, так что я наслаждался купанием в полном одиночестве. Любопытная деталь: не доходя шагов тридцати до озерка, тропа раздваивалась, и на развилке красовался крашенный белой краской столбик с двумя фанерными стрелками – «М» и «Ж». Пляж для ребят и девчонок, всё ясно, и наверное, здесь принято купаться голышом. Я тоже решил последовать этой практике – шаровары, выданные мне с прочими повседневными штотками, я взять с собой не догадался, а возвращаться назад в мокрых трусах не хотелось ужасно.

Купание не затянулось – вода всё-таки была холодной, видимо, тёплые деньки наступили не так давно. Я выбрался на песчаный пляж, поскакал на одной ноге, вытряхивая воду из уха, тщательно, до красноты, растёрся жёстким вафельным полотенцем, оделся и, насвистывая, направился в сторону стадиона. И, проходя мимо столба-указателя, услышал девичий смех.

Девочки шли они как раз с той стороны, куда показывала стрелка с буквой «Ж». Они тоже успели окунуться – волосы у всех трёх были влажные. На меня они глянули, как мне показалось, с некоторым подозрением. Любопытно, мелькнула игривая мысль, а у мальчишек тут заведено подглядывать за девочками? Я бы на их месте, да в свои пионерские годы, нипочём удержался бы – тем более, что девочек меньшей мере у одной просто наметились женственные округлости, а достигли достаточно соблазнительных размеров. Да и фигурки у всех трёх очень даже ничего, видимо, сказывается здоровый образ жизни. Или дело просто во всепобеждающем обаянии юности?

Насчёт подозрений я, похоже, ошибся. Верно всё же сказано: каждый судит в меру своей испорченности, а уж чего-чего, а цинизма я за свои неполные шесть десятков накопил предостаточно. Вот и одна из девочек, та, что шла в середине, задорно мне улыбнулась – без всякой задней мысли.

– А, новичок? Ну как, привыкаешь?

Да ведь мы уже встречались, с опозданием сообразил я. Вчера, когда я дожидался перед главным корпусом на скамейке, она как раз проходила мимо с волейбольным мячом под мышкой...

– Так, помаленьку. – ответил я. Девочка (пожалуй, девушка, на вид ей не меньше пятнадцати) была симпатичной – немного похожа на актрису Наталью Варлей, только моложе и с копной выгоревших до соломенного цвета волос.

– Помаленьку – это никуда не годится. – она тряхнула головой, отчего мокрые волосы рассыпались по загорелым плечам.

– У нас тут так не принято, придётся пошевелиться!

– Да я уж понял. – буркнул я и добавил: – Меня кстати Лёха зовут... в смысле, Алёша. Она протянула мне руку. Ладошка оказалась прохладная и неожиданно крепкая.

– Я – Таня. А это Оля и Маруся, мы из восьмого отряда.

Я уже знал, что седьмой и восьмой отряды в коммуне сплошь состоят из девочек.

– А я в пятом. Наши все сейчас на работе, а мне только завтра.

– А сегодня, значит, ходишь один, бездельничаешь? – Таня сощурилась. На этот раз в её голосе прозвучало что-то вроде вызова, и я только тут увидел на блузке эмалево-красный флажок, на котором вместо привычного профиля Ленина красовался круг с пятиконечной звездой и буквами КИМ.

...ещё и комсомолка! Впрочем, чему тут удивляться?..

Я что-то пробормотал про то, что решил, пока есть время, познакомиться с коммуной, но меня перебила Оля, маленькая смешливая, с толстой русой косой, обладательница тех самых женственных форм. У Оли КИМовского значка не было, как и у третьей девушки.

– Ваш отряд сегодня пойдёт в кино? – спросила она. – Новый фильм привезли. Карась говорит, про китайских революционеров.

– Карась? – удивился я.

– Митя Карась, помощник киномеханика. – заторопилась Оля.

– Он из второго отряда, работает помощником киномеханика. Он бы и киномехаником мог, только ему не позволяют, потому что шестнадцать ещё не исполнилось, и документа не дают. А так – и фильмы крутит, и в город ездит за новыми. Говорит – вот исполнится семнадцать, поеду в Москву учиться на этого... ну, которые кино снимают?

– На кинорежиссёра. – машинально ответил я. – А можно ещё и кинооператором, это который с камерой...

Похоже, у симпатичной Оли свой интерес к будущей звезде советского кинематографа с такой запоминающейся фамилией.

Её подружки при этом содержательном диалоге то и дело прыскали в кулачки.

– Наша Олька дружит с Карасём! – подтвердила мою догадку Маруся. Она была совсем маленького роста, с русыми, выгоревшими добела волосами и миловидным личиком в форме сердечка. – Ждёт, когда он станет в Москве знаменитостью, чтобы поехать к нему! И очень-то она будет ему нужна, в столице, небось, своих красавиц хватает!

– И ничего подобного! – вспыхнула Оля, и стрельнула в подругу гневным взглядом. – Всё ты, Маруська выдумываешь, язык без костей!

Маруся толкнула рукой Таню. Та досадливо поморщилась.

– Ну, растрескались, сороки... – Похоже, подумал я, она задаёт в этой прелестной троице тон. – А в кино приходи. Найдёшь нас там, ещё поговорим. А сейчас прости, пора!

И, весело щебеча, унеслись по тропке, оставив меня стоять в одиночестве возле столба с указующими стрелками.

До сигнала к ужину оставалось больше двух часов, и это время я провёл в библиотеке. Я ловко уклонился от предложения вступить в библиотечный кружок, которым меня огоро-

шила дежурная – строгая девица лет шестнадцати, в очках и вечно собранными в «куриную гузку» губками. Карточку читателя я тоже заводил не стал – сейчас меня интересовали только и исключительно подшивки газет, разложенные в свободном доступе на столах. В них-то я и погрузился с головой, и это был самый верный ход за прошедшие сутки. Память восстанавливалась с необычайной скоростью – стоило увидеть заголовок, посвящённый какому-нибудь значимому или не очень, событию, географическому пункту, как на меня обрушивалась лавина ассоциаций, и оставалось только сортировать их, укладывать по полочкам, находить для каждой подходящее место.

И ведь речь шла не только об «общей», не относящейся к моему личному жизненному опыту памяти – например, названия некоторых городов, местностей, даже стран вызывали у меня в памяти картины прежней жизни, с этими местами так или иначе связанные. Дальше-больше, как учит нас марксистско-ленинская диалектика: случился ожидаемый переход количества в качество, и у меня словно пелена с глаз спала. Прожитая жизнь, начиная со школьных воспоминаний, потом юность, институт, работа, бури, бушевавшие в стране и мире, попытки найти себе место в стремительно меняющейся действительности – всё это уверенно соткалось в единую картину, какая есть у всякого прожившего достаточно долгую жизнь человека. С воспоминаниями о личной жизни тоже было всё в порядке – оказывается, в своё время я неплохо погулял: дважды был женат, имел сына, однако на пороге шестидесятилетия остался в одиночестве. Что ж, и так бывает, причём нередко...

Я откинулся на спинку стула и медленно обвёл взглядом библиотеку. Теперь-то я точно знал, где и, главное, *когда* нахожусь. В той, прошлой жизни я плотно интересовался историей, и именно первая половина двадцатого века всегда была у меня в списке приоритетов – и теперь с лёгкостью вспоминал всё, что относится к году от Рождества Христова тысяча девятьсот двадцать девятому, от Октябрьского переворота (он же Великая Октябрьская Социалистическая Революция) – двенадцатому.

Итак, что мы имеем?

В стране идёт коллективизация. Формально она началась меньше года назад, в августе двадцать восьмого, после известного постановления ЦИК и СНК СССР от 1 августа 1928 г. «Об организации крупных зерновых хозяйств». Заявленная цель – преодоление последствий неурожаев и голода предыдущих лет, а так же поддержка темпов намечающейся в стране индустриализации. Последняя широко стартовала после принятия в апреле прошлого года первого пятилетнего плана, и сейчас по всей стране кипят грандиозные стройки – вовсю работает Днепрострой, вот-вот будут заложены Магнитка, Харьковский Тракторный, Уралмаш и много чего ещё. Формальный глава государства на данный момент председатель Совета Народных Комиссаров Алексей Иванович Рыков. И тут ситуация далеко не радужная – последние несколько лет высшее руководство страны сотрясают страсти и интриги поистине византийские, что неизбежно влётся и наружу. Борьба с левым уклоном, потом с правым – причём в число правых уклонистов попали те, кто совсем недавно увлечённо громил леваков. Отгремело «Шахтинское дело»; правый уклон Бухарина, Томского и самого предсовнаркома разоблачён, разгромлен и предан анафеме на состоявшемся всего месяц назад пленуме ЦК и ЦКК.

Лейба Бронштейн, он же Лев Давидович Троцкий, проигравший Сталину во внутрипартийной борьбе, выслан сначала и Алма-Ату, а потом и прочь из страны – если память мне не изменяет (а она может, особенно сейчас), сейчас кукует где-то в Турции. Сам Иосиф Виссарионович занимает должности Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И, хотя о наступлении «Года Великого Перелома» будет объявлено только через пять месяцев, к годовщине Октября – всем уже ясно, кто в доме хозяин, а кто досиживает последние деньки с не слишком радужными перспективами. Да вот, взять хоть хотя бы Рыкова, или товарища Ягоду, именем кото-

рого названа наша коммуна. У Генриха Григорьевича времени, правда, побольше – но финал всё тот же, в одной из расстрельных ям спецтолигона НКВД «Коммунарка»...

Мир за пределами нашей страны тоже потихоньку закипает. В Китае партия Гоминьдан объявила «период опеки», а заодно, чтобы уж два раза не вставать, разом отменила все гражданские свободы. В апреле в Италии на выборах победила партия фашистов во главе с Муссолини. А Берлине коммунисты дерутся на улицах с полицией, и за этим наблюдает из окна рейхстага председатель небольшой, не слишком влиятельной партии, известной по аббревиатуре НСДАП.

Что ещё? В 29-м году СССР будет запущен в серию первый из туполевских цельнометаллических бомбовозов АНТ-4, он же ТБ-1. В августе две такие машины совершат рекордный перелёт по маршруту Москва – Хабаровск – Петропавловск-Камчатский – Сиэтл – Сан-Франциско – Нью-Йорк. Ах да, как же я мог забыть: в феврале в Чикаго на день Святого Валентина гангстеры Аль Капоне, переодетые в полицейских, расстреляли семь человек из конкурирующей банды Морана. Интересно, доживу ли я здесь до того, чтобы увидеть на экране соответствующий эпизод из «В джазе только девушки»? Ох, сомнительно – картина выйдет в прокат в пятьдесят девятом, а в Союзе появится лишь в шестьдесят шестом...

В общем, времена грядут интересные, бурные – и тем обиднее, что в моей стремительно восстанавливающейся памяти по-прежнему сохраняется очень, очень большая лакуна.

...Как всё же я сюда попал?..

Тревожная фортепианная музыка. Рельсы убегают под вагоны, мелькающие шпалы сменяются лихорадочно стучащим телеграфным ключом и надписью, белые буквы на чёрном фоне: «Задержать! Задержать! Задержать!» Снова рельсы, клубы пара и дыма, сквозь которые пролетает поезд – и новая надпись: «Но разве можно задержать революцию?»

Новый план: внутренности роскошного купейного вагона, путешественницы европейского облика в диковатого вида чепцах и ночных рубашках с кружевами заламывают руки – их крики иллюстрируются мелькающими на экране надписями: «Как они смеют?» и «Что с нами будет?» Потом узкий вагонный коридор, замершие в нерешительности китайские солдаты в фуражках, с винтовками в руках – изгиб штыков вызывает в памяти полужнакомое название «Арисака». Напротив солдат замерла толпа суровых, одетых в рабочие блузы и ватные фуфайки людей, вооружённых винтовками и револьверами. Передний что-то каркает, взмахивая рукой, и солдаты, испуганно переглядываясь, складывают оружие на пол.

Опять клубы дыма с проносящимися чёрными вагонами, плоские тарелки буферов, какие-то цепи, тормозные шланги. И снова внутренности вагона – но на этот раз, похоже, вагона-ресторана. Роскошный интерьер разгромлен, столы, стулья, барная стойка навалена баррикадой, и из-за неё мерзкого вида типы с косыми чёлками и маленькими усиками на одутловатых европейских лицах, хищно шурясь, палят из браунингов. И снова – вагоны, вагоны, чёрный силуэт железнодорожника с флажками. Широкоскулая физиономия искажена воплем: «Остановить! Уничтожить!» И снова белое по чёрному: «...но разве можно уничтожить революцию?»

Железнодорожная стрелка с фонарём на рычаге, возле неё размахивают руками китайцы, один в форменной фуражке и френче, другой в спецовке с чёрным от угольной пыли лицом.

«Там бандиты, убийцы!»

«Нет!..»

Китаец в фуражке перекидывает стрелку, собеседник вцепляется ему в горло. А мимо несутся вагоны, и из распахнутых дверей сыплются под откос, теряя свои браунинги, европейцы с характерными чёлками и усиками. Колёса, колёса, стучащие на рельсовых стыках, потом без перехода – мужественное лицо китайского рабочего, размахивающего над головой

флажком: «Путь свободен... Вперёд, товарищи!..» И снова пролетающие вагоны, и солнце, белый на дымном фоне диск.

Чёрный экран, надпись «Конец», музыка обрывается победным аккордом – завклубом со смешной фамилией Тяпко (тот самый, что руководил репетицией театрального кружка) отлично справился с обязанностями тапёра. Демонстрация новой кинокартины «Голубой экспресс» закончена.

– Я-то думала, фильм будет звуковой... – Голос Маруси полон разочарования. – А он вовсе даже немой, старьё!

– Как ты можешь так говорить? – возмутилась Оля. – Фильм только в этом году снят. Карась говорил – режиссёр какой-то знаменитый, из Москвы...

– Илья Тауберг. – подсказываю. «Голубого экспресса» я в той, прошлой жизни не видел, но имя режиссёра, снявшего трилогию о Максиме» и «Новый Вавилон», конечно, помнил.

– Да ну... – Маруся наморщила носик. – Я вот слышала, что в Харькове фильмы показывают, заграничные, так там актёры прямо на экране говорят!

– Зато как интересно! – оборвала подруг Татьяна. – Поезд задерживают из-за англичанина, который едет договариваться с угнетателями китайского народа против восставших рабочих. Но не тут-то было: запертые в тюремном вагоне арестованные революционеры поднимают бунт, освобождаются, завладевают оружием тюремщиков – и вместе с пассажирами третьего класса, такими же, как они, рабочими и крестьянами, захватывают экспресс! Англичанин и его приспешники сопротивляются, но ничего не могут сделать – и поезд летит вперёд, к победе революции! Вот бы и мне туда, помогать китайским товарищам бороться с угнетателями! Уж я бы...

Я отворачиваюсь, пряча усмешку. Показать истинные чувства, которые вызвал у меня шедевр Тауберга, и, главное, реакция на него моей спутницы, нельзя ни в коем случае. Не поймёт меня комсомолка Таня. И остальные не поймут.

Коммунары уже вставали и, шумно переговариваясь, тянулись к выходу. Я поймал на себе недовольный взгляд Олейника – он, как положено комотряда, сидел с коллективом. А я вот оторвался, несмотря на разумный совет, полученный от завкоммуны, товарища Погожаева – да и просто вопреки здравому смыслу, настойчиво твердившему, что давно пора налаживать отношения с товарищами по отряду. Тем не менее, серые глаза комсомолки Тани и весёлый щебет её подруг, которых я встретил у входа в зал, уверенно одержали верх, и в итоге фильму мы смотрели вчетвером. А теперь вот приходится ловить на себе недовольные, а то и откровенно завистливые взгляды.

А, пропадай моя голова! Вряд ли проявленный сегодня индивидуализм и нетоварищеское отношение к культмассовым мероприятиям грозят мне «тёмной» в спальне, после отбоя, а всё прочее я как-нибудь переживу.

Раз уж напросился на прогулку с девушками, изволь развлекать их, как можешь – эту простую истину подсказывал мне весь мой жизненный опыт. Даже если одна из них правояр-ная комсомолка, а другая по уши влюблена в местного кустаря-одиночку с киноаппаратом. Я и старался вовсю: начал с обсуждения просмотренного фильма, прошёлся по недавним событиям китайской истории, припомнил войну с Японией (не ту, что должна разразиться здесь лет через восемь, а другую, с маньчжурской империей Цин, случившуюся в середине девятых годов прошлого, девятнадцатого века. Потом заговорил о восстании ихэтуаней, именуемом здесь боксёрским – после чего плавно перешёл к монастырю Шаолинь. Замысел мой был достаточно коварный: мало поразить спутниц своей политграмотностью и эрудицией, надо ещё и заинтересовать их легендами о таинственных китайских мастерах, чьё искусство позволяет (при некотором усердии, разумеется) достичь духовного и телесного совершенства. И не прогадал: девушки немедленно загорелись, заахали – «ой, хорошо бы и нам попробовать!..» – чего

мне, собственно, и требовалось. В своё время я немного занимался у-шу (в сугубо оздоровительных целях, не подумайте чего лишнего!), и предложил при случае продемонстрировать кое-что на практике. И, конечно, на волю случая мы полагаться не стали, а назначили встречу на завтра, на стадионе, после ужина, когда народу будет поменьше, и наши упражнения не привлекут ненужного внимания.

Та часть меня, которая управлялась юношескими гормонами, возликовала, представив в красках, как будет показывать симпатичной Тане базовые движения и связки, поддерживая ладонями её стройные ножки и талию. Другая, пятидесятивосьмилетняя, брюзжала что-то на тему нездоровой тяги к малолеткам и пустой траты времени, но тёплый майский вечер, прелесть романтической прогулки в сочетании с упомянутыми уже гормонами не оставляли голосу разума ни малейшего шанса быть услышанным.

Вдали, со стороны главного корпуса, пропела серебряным переливом труба.

– Пора. – сказала Оля. – Погуляли, и довольно. Пошли назад?

Я уже запомнил, что вечером подавались два сигнала – один предварительный, за полчаса до отбоя, по которому следовало заканчивать текущие дела и торопиться в умывальню. И основной, ко сну, в двадцать два ноль-ноль, по которому следовало погасить свет в спальнях и прекратить любой шум. К услугам же тех, кому не спалось, был так называемый «вечерний клуб» – большая комната в конце левого коридора второго этажа с тянущимися вдоль стен мягкими диванчиками, – как раз по соседству с кабинетом завкоммуны. В «Вечернем клубе» можно было поиграть, сгонять партию в шахматы, просто посидеть и побеседовать, не производя, разумеется, при этом шума и не дольше, чем до полуночи, после чего следовало отправляться по спальням.

Мы послушно повернули и направились по дорожке назад. Разговор как-то сам собой иссяк; мои спутницы шли молча, и я, от нечего делать, снова стал озираться по сторонам. Вот уходит вправо широкая дорожка, ведущая к «заводу» – там темно, лишь мелькают кое-где редкие огоньки, да светится лампочка в будке сторожа. А это что такое?

Позади и немного левее производственных зданий виднеется ещё одно, приземистое, широкое, обнесённое высоким глухим забором. Из-за этого забора я его и заметил – по его верху с интервалом в десяток метров висели фонари, а поверх них тянулись в электрическом свете горизонтальные нитки.

Я чуть не споткнулся. Колючая проволока? Ну да, она самая и есть, и как бы не под током – на изогнутых кронштейнах угадываются белые грибки изоляторов. Вот уж чего не ожидал здесь увидеть...

Может, склад готовой продукции? Олейник, рассказывая вчера о производстве, рассказывал, что-то завод работает по заказам Красной Армии. Но нет, вздор – что могут такого доверить изготавливать подросткам, что стоило бы хранить с такими строгостями? Это же не война, когда двенадцатилетние точили на станках корпуса для снарядов и собирали на дурно обструганных верстаках ППШ. Нет, тут что-то другое, неожиданное, особое...

...Что ж, если появились вопросы – почему бы не задать их, благо есть кому?...

– Что это у вас там? – шепнул я Тане, указывая на таинственную постройку. – Какой-нибудь склад?

– Лабораторный корпус. – отозвалась она. – Особый. Мы туда не ходим. И вообще, пошли скорее, время же!..

Мне показалось, или лицо новой знакомой сразу сделалось напряжённым? Нет, не показалось – Тане явно не хотелось развивать тему «особого» лабораторного корпуса.

...всё чудесатее и чудесатее, как говорила девочка Алиса. Понять бы ещё, где тут начинается Зазеркалье?

Хотя, я, если подумать уже там, в самом, что ни на есть, Зазеркалье. Или, по крайней мере, в Стране Чудес. С косточками, с усами, с какашками – как, помнится, говаривал Змей Горыныч из читаной давным-давно сказочки².

– Ты с Танькой, что ли, гулял после кино? – поинтересовался Копытин. Я ополоснул лицо ледяной водой – излишества вроде горячего водоснабжения до коммуны ещё не добрались, – и фыркнул.

– Это которая? Их трое было, как кого звали – не помню. Мы насчёт кино говорили, обсуждали. Как оно тебе, кстати?...

– Беленькая такая, из восьмого отряда. – пояснил собеседник, проигнорировав мои культурные запросы. В глазах его мелькнуло нечто, похожее на зависть. Как же, новичок – и уже гуляет в обществе сразу трёх «внутрирайонных гениев чистой красоты» – так, кажется, у Визбора?

Я сделал вид, что ничего не заметил. Прimitивная уловка – вернуться в спальню за несколько минут до сигнала ко сну, и тут же торопливо скрыться в умывальне – вроде сработала, но не до конца. Копытин, терзаемый любопытством, увязался за мной следом – и вот, учинил, пользуясь отсутствием других коммунаров, форменный допрос. И неймётся же человеку...

– Имей в виду, по ней Гоменюк сохнет, из первого отряда. Обещал, если кого с Танькой увидит, голову оторвёт!

Гоменюка я помнил – крупный малый лет семнадцати, с тяжёлой угрюмой физиономией, не отягощённой интеллектом, и руками, способными дать пару очков вперёд совковой лопате. Сегодня он был дежурным командиром и принимал отрядную поверку.

– А она что?

– Танька-то? – Копытин ухмыльнулся. – А ничего. Не обращает внимания, а когда её спрашивают про Гоменюка – смеётся. Она после школы собирается на рабфак. Говорит: некогда глупостями заниматься, надо готовиться к экзаменам.

...готовиться, значит? Что-то я не заметил в новой знакомой особого усердия к учёбе. Хотя – должен же человек иногда отдыхать?..

А Гоменюк-то может стать проблемой. Здоровенный недалёкий тип – такие в припадке ревности способны наломать дров. Но, если подумать, то куда ему против циничного гостя из двадцать первого века, повидавшего за свои неполных шесть десятков и не такие коллизии? Как пел не родившийся ещё здесь поэт и артист – как «школьнику драться с отборной шпаной...»... что-то часто мне приходят в голову песни из моего времени. Не дай бог двинуться по неверному пути книжных попаданцев, всякий раз с унылым упорством старающихся перепеть Высоцкого...

Тем не менее, бланш под глазом (их здесь, кажется, называют фингалами?) мне ну совершенно ни к чему. А значит, надо держать ухо востро. Таня, конечно, очень милая девушка, но сейчас есть вещи и поважнее.

Сигнал «Ко сну!» пробился через выложенные кафелем стены умывальни и через журчание льющейся из край раковины воды. Ну, наконец-то: теперь можно сослаться на усталость и залечь на кровать. Накрыться с головой тощим ватным одеялом и, не торопясь, вспомнить все события прошедшего дня.

А лучше – просто заснуть и спать без сновидений. Завтрашний день обещал стать полным событиями.

² Повесть В. Шукшина «До третьих петухов»

IV

Заснуть снова не получилось, несмотря на усталость, тяжело ощущавшуюся в каждой клеточке тела. Тоже загадка: вроде, особо и не напрягался, не носился туда-сюда, не впихивал, как соседи по спальне на «заводе»... Всех-то затрат энергии – пятиминутное купание да прогулка с девушками после кино. Однако, поди ж ты, устал, вымотался, да ещё как! Видимо, сыграло роль нешуточное эмоциональное напряжение, да и флэшбэки неизменно отбирали свою порцию энергии у моего пятнадцатилетнего организма.

Я поворочался с боку на бок, потом смирился – лежал, привычно закинув руки за голову, смотрел на луну и думал. Благо, информации к размышлению хватало с избытком.

Итак, я (кто именно «я» – это вопрос особый, не о том сейчас речь) оказался в детской трудовой коммуне. Восстановившаяся если не в полном, то в приемлемом объёме память услужливо подкидывает мне образец, с которого, похоже, и скопировано это заведение. Коммуна имени Дзержинского, любимое детище Антона Семёновича Макаренко, ну разумеется! Та самая, где был налажен выпуск фотоаппаратов «ФЭД» (кстати, у меня в детстве был такой, ранее принадлежавший отцу), та, что послужила прототипом колонии «Имени Первого Мая» из книги, а потом и фильма «Флаги на башнях. И, между прочим, та, что встала костью поперёк горла у товарищей с украинского педагогического Олимпа. Я никогда специально не занимался историей педагогики, но всё же знал что примерно в нынешнее время, то есть в двадцать восьмом – двадцать девятом году, Наркомат просвещения УССР объявил методы Макаренко «несоветскими», непроверенными и вообще сомнительными. Его «Педагогическую поэму» отказались издавать сначала на Украине, а потом и в Москве – причём решающую роль сыграл как раз негативный отзыв, данный бонзами социалистической педагогики из украинского Наркомпроса, в котором книга была названа «дискуссионной». Большой грех, что и говорить – в своё время он чуть не стоил Макаренко карьеры, а то и чего похуже.

Но бог с ними, с книгами, тем более, что я их уже читал. Куда важнее то, что появление ещё одной коммуны по типу «Дзержинской» на подведомственной упомянутому почтенному ведомству территории представлялось крайне маловероятной. Разве что...

Коммуна носит имя товарища Ягоды, нынешнего заместителя председателя ОГПУ СССР Вячеслава Менжинского, а по сути, за крайней болезненностью последнего – фактического руководителя главной советской спецслужбы, объединившей в себе и внешнюю разведку, и контрразведку и тайную полицию. И это, конечно, неспроста – если чекисты не просто шефствуют над нашим заведением (как это было с коммуной имени Дзержинского) а создали её для каких-то своих целей, то дело выглядит совсем иначе. Республиканский Наркомпрос в этом случае не более, чем вывеска, крыша, не имеющая права голоса.

Надо сказать, что то небольшое, что я успел узнать за эти неполные двое суток, тоже навели на некоторые мысли. И в первую очередь, принятые в коммуне порядки. Попади в настоящую коммуну имени Дзержинского – чёрта с два мне позволили бы уже вторые сутки кряду околачиваться по территории без дел, заниматься чем придёт в голову, знакомиться с девушками... Всё, что я знал до сих пор о порядках, царивших в созданном Макаренко коллективе, ясно подсказывало: новичок должен сразу, с первых же шагов, с первой минуты попасть в ежовые рукавицы дисциплины и коммунарских традиций, не имея свободной минутки на всякие глупости. В том числе, и на не относящиеся к делу размышления, вроде тех, каким предаюсь я прямо сейчас. Нет, он должен бегать как подсолонный, а если и думать о чём – то лишь о том, как бы не накосячить, не нарушить правила, не взбрыкнуть, памятуя о прошлой вольной жизни малолетнего правонарушителя или беспризорника. И не оказаться в итоге в местном чистилище – в центре общего круга, под люстрой, где придётся объяснять всему коллективу (настроенному по отношению к новичку, как правило, с недоверием и иронией) чего это

он, этот самый новичок, вздумал откалываться от коллектива? Видал я подобные «разборы полётов», и не на экране, и живую, в студенческой своей молодости, когда мне случалось иметь дело со сторонниками неформальной педагогики, тоже именовавшими себя коммунарами. Конечно, тогда, в середине восьмидесятых всё было другим, но кое-что общее угадывалось достаточно уверенно.

Но нет, ничего подобного пока не замечено. Неспроста? Ох, неспроста, и играют тут, похоже, совсем в другие игры...

И есть ещё папочка в левой тумбе стола завкоммуной товарища Погожаева. Интуиция (она же чуйка, она же шестое чувство) прямо-таки вопила о том, что именно в этих картонных корочках прячутся ответы на все мои вопросы, как и ключик к тем затемнённым участкам памяти, куда я до сих пор тщетно стараюсь заглянуть.

А ещё ведь был флэшбэк, в котором фигурировала амбарная книга. И никуда не денешься от таинственного «особого лабораторного корпуса» – он ведь, к гадалке не ходи, тоже имеет отношение к известной конторе...

Нет, друзья мои, во всём этом ещё разбираться и разбираться, долго, упорно распутывать накрученные неизвестно кем узлы. И кончик ниточки, за которую предстоит потянуть – та самая папка.

С этой мыслью я, наверное, и заснул – словно в чёрный бездонный омут провалился.

– Здесь у нас располагается сборочный цех – объяснял Олейник. – Самый крупный на всём производстве, из нашего отряда все тут работают. По большей части на монтаже, но и есть и другие участки – покраски, сушки, упаковки готовой продукции, столярка. И везде нужны рабочие руки!

Проснувшись с утра, я решил, что рассуждения – дело, конечно, хорошее, но совсем уж отрываться от коллектива не стоит. А потому, вместе со всеми прошёл обязательную процедуру проверки, продемонстрировал дэчэеска (сегодня это раз была смешливая пышка из седьмого отряда по имени Клава) и после завтрака вместе со всеми отправился на «завод». Ребята привычно разбежались по рабочим местам, а Олейник, на правах начальства, устроил мне небольшую экскурсию по производству.

Предприятие работало по большей части на нужды РККА, и не просто РККА, а воздушного флота. Здесь выпускали авиастартеры – механические приспособления, монтируемые на базе грузовика, с помощью которых на аэродромах запускали самолётные двигатели.

– Какие поменьше, одномоторные, учебные или, скажем, бипланы-разведчики, можно и вручную запустить. – растолковывал мой провожатый. – А большие, многомоторные, скажем, немецкие «Юнкерсы» – только с помощью таких вот агрегатов. Скоро и у нас такие самолёты будут производить, нам на лекции рассказывали... Так что, можно сказать: без нашей продукции ни бомбардировщики в небо не поднимутся, ни пассажирские лайнеры ГВФ. На чём тогда люди будут в Минводы летать?

Я едва сдержал ухмылку. Минводы, надо же такое сказать! Много ли советских людей смогли путешествовать столь продвинутым видом транспорта? Хотя, кто-то, наверное, и пользовался...

Но это, конечно, неважно. Видно, что такая продукция составляет в коммуне предмет всеобщей гордости – и неудивительно что многие мальчишки и даже девчонки мечтают так или иначе связать жизнь с авиацией и небом. В нашем отряде я знал, по меньшей мере, четверых таких.

– Такие стартеры до сих пор у нас в стране не делали, мы первые. – продолжал Олейник. – Раньше их в Италии и Германии закупали, за золото. Представляешь, сколько денег капиталистам уходило? А теперь вот мы будем делать!

– Непростое, наверное, устройство? – спросил я, чтобы как-то поддержать разговор.

– Ещё какое непростое! – ответил Олейник. – Тут тебе и коробка отбора мощности от автомобильного двигателя, и коробка реверсивной передачи и хобот, и промежуточные валики. И всё должно быть сделано так, чтобы потом, на автомобильном заводе, смонтировать на грузовике – и оно бы подошло. Знаешь, сколько брака поначалу было? Страшно вспомнить – чуть ли не каждый второй комплект назад возвращался на доработку!

Я, конечно, знал о существовании авиастартеров «АС-1» и «АС-2» на шасси ГАЗовских полуторок. Эти агрегаты появились, если мне память не изменяет, в начале тридцатых – и прослужили всю войну, одинаково исправно раскручивая движки «ишаков», «Яков» и «Илов». Беда только в том, что самого грузовичка «Газ-АА» пока не производится, мало того, даже Горьковский автозавод ещё не построен. Любопытно, на какие машины будут ставить эти агрегаты – на старичков АМО? Или пустят на такое полезное дело импортные американские грузовички «ФОРД», которые вроде, уже должны начать поступать в СССР?

Провожатый тем временем подвёл меня к участку упаковки и продемонстрировал готовый комплект авиастартера, уже уложенный в деревянный ящик – агрегат остро пах краской и машинным маслом.

На соседних участках собирали изделия попроще аэродромные тележки для бомб и баллонов со сжатым воздухом, стремянки для обслуживания самолётов, переносные лебёдки.

– Ты что умеешь делать? – спросил Олейник. – Хотя бы гаечный ключ в руках когда-нибудь держал?

Вопрос был с подвохом. Умел-то я много – инженерное образование, пусть и полученное совсем в другое время, да и руками поработать в жизни пришлось немало. Но... как будет выглядеть, если я сейчас на голубом глазу заявлю, что готов поработать электриком, автомехаником, слесарем и даже шофёром. Насчёт последнего у меня, правда, имелись некоторые сомнения – всё же здешние «Антилопы-Гну» с их «кривыми стартерами» прилично отличались даже от «Жигуля-двойки», на котором я делал первые свои шаги, как автолюбитель – не то что от машин, на которых я ездил потом. Ну да ничего, автомобиль есть автомобиль, разберусь в конце концов, а вот как ответить на вопрос изумлённого собеседника: «когда это ты успел всему научиться?..»

А потому в ответ я лишь неопределённо пожал плечами и изобразил улыбку.

– Понятно. – сделал вывод Олейник. – Постоишь пока на обтирке, а там посмотрим. Пойдём, получишь спецовку, переоденешься. Выделим тебе персональный шкафчик, будешь каждый раз там свои вещи оставлять...

Я кивнул и послушно поплёлся за ним в подсобку.

На первый раз работу мне доверили самую, что ни на есть, неквалифицированную. Обтирка – она и есть обтирка: пучок тряпья, ведёрко с керосином и детали, с которых перед отправкой на участок покраски нужно удалить машинное масло. Ничего сложного – знай себе, окунай ветошку в керосин, выжимай излишек жидкости и протирай очередную железяку. Главное не упустить ни одного углубления, ни одного паза или выемки, иначе в этом месте краска не ляжет на металл, делая его уязвимым для коррозии. Нудно, конечно, не без этого – к тому же, через полчаса мне стало казаться, что весь мир вокруг меня пропитался запахом керосина, а новенькая синяя спецовка покрылась масляными пятнами так густо, что стала напоминать леопардовую шкуру. Респиратора или иных средств защиты полагалось, да я на них и не рассчитывал, понятия об охране труда, даже детского, находятся тут в зачаточном состоянии. Зато положенную норму я выполнил, чем изрядно удивил Олейника, явившегося ближе к обеду проведать новичка.

– А ты молоток, Давыдов! – прогудел он. – Крепко работаешь, по-нашему! Надо бы тебя в вечернем рапорте отметить, заслужил...

После этих слов полагалось вскинуть руку в пионерском салюте и отчеканить что-нибудь вроде «Рад стараться!» или не столь старорежимное «Служу трудовому народу!» Что я и проделал к вящему удовлетворению собеседника, ограничившись, правда, нейтральным «Есть, тащ комотряда!» Кроме шуток: для новичка попасть по такому поводу в вечерний рапорт (его перед ужином полагается сдавать дежурному командиру) – нешуточное достижение. Есть чем гордиться, была бы охота.

Тохиного горна, чей звук доносился да самого дальнего уголка главного корпуса, в помещении «завода» слышно не было – сигнал к обеду, как и к окончанию рабочего дня, подавался обыкновенным звонком, закреплённым над входом в цех. Коммунары, кто поодиночке, кто группками, потянулись наружу. Пошёл и я, предварительно оставив в «своём» шкафчике спецовку – Олейник уже успел сообщить, что в столовую в рабочей замасленной одежде не пустят, уговаривай – не уговаривай. Заодно сполоснул руки в жестяном рукомойнике, однако, полностью избавиться от въедливого керосинового амбре и машинного масла не удалось, сколько ни тёр я ладони куском вонючего мыла и жёсткой щёткой.

Видимо, я потратил на гигиенические процедуры слишком много времени – в цеху уже никого не было, и надо было поторопиться, чтобы не оказаться за столом последним. Я побежал к выходу из цеха мимо столярного участка, где строгали и шкурили рейки для решётчатых площадок, устанавливаемых над капотами грузовичков-автостартеров, а так же сколачивали упаковочные ящики. И – краем глаза заметил забытую на одном из верстаков стамеску.

Я воровато оглянулся – цехе никого, я последний. Бочком подойти к верстаку, как бы невзначай сунуть стамеску в карман – И мухой отсюда, пока не застигли не месте преступления.

«Одно к одному...» – думал я, торопясь по песчаной дорожке к главному корпусу. Ведь не далее, как сегодня утром гадал, как бы забраться ночью в кабинет к завкоммуной – и вот оно! Без инструмента в кабинет завкоммуной не забраться – замок там, конечно, ерундовый, но надо же чем-то отжать створку двери. Заветная папочка лежит в ящике стола, Погожаев при мне запер её на ключ, а значит, ящик тоже придётся взламывать. И такая вот стамеска, широкая и в тоже время не слишком толстая, идеально подходит для этой цели.

Что ж, с планами, похоже, определились. Отстою остаток смены (надо не разочаровать Олейника и снова выполнить норму), продемонстрирую после ужина девушкам пару-тройку связок у-шу, дождусь отбоя – и в постель, как и полагается добропорядочному воспитаннику. А ночью, когда все уснут...

Конечно, можно отложить дерзкую вылазку, приглядеться, спланировать свои действия тщательнее – но у меня сердце не лежало к такому варианту. В самом деле: даже если папка в данный момент лежит у «счетовода Вотрубь» в столе (что тоже, кстати, далеко не факт) – где гарантии, что уже завтра с утра она не окажется где-нибудь ещё? Например, в несгораемом шкафу, который я заметил в углу кабинета – а с ним стамеской не справишься...

Итак, решено, иду сегодня, и будь, что будет. А если не повезёт, и я засыплюсь – не расстреляют же меня, в конце концов? Коммуна предназначена для малолетних правонарушителей, а спереть из кабинета пару-тройку бумажек – подобный проступок не тянет даже на пятнадцать суток. Так, шалость пятнадцатилетнего балбеса, решившего выяснить, что там накропал на него гражданин начальник?

V

На этот раз в мои тщательно продуманные планы вмешалась погода. Первые, ещё далёкие раскаты грома я услышал, когда нёсся, сломя голову, к главному корпусу. Вскоре они приблизились – и вот уже по окнам столовой забарабанил настоящий майский ливень. Ни о какой тренировке речи, конечно, быть не могло. Я отыскал в столовой Олю, и попросил её передать подругам, что приобщение к тайнам китайской гимнастики откладывается до хорошей погоды.

Кино и прочих культмассовых мероприятий на сегодня намечено не было, а потому сразу после ужина я вместе с ребятами отправился наверх. Сначала в спальню, а потом и в просторный холл перед «вечерним клубом», где до отбоя проводили время те, кому не хотелось торчать в спальнях. Раз уж так получилось – стоит, пожалуй, использовать освободившееся время для приобщения к нашему дружному коллективу.

Вы умеете играть в шашки? Вот и я толком не умею. То есть, знаю, как ходить, что такое «фук», но в последний раз предавался этому высокоинтеллектуальному занятию, кажется, на картошке, на втором курсе института. А здесь шашки весьма популярны – на одну шахматную доску, за которой привычно устроились Олейник и Семенченко, приходилось не меньше трёх шашечных, и зрителей с советчиками вокруг них было не в пример больше. Меня игра не интересовала – я взял лежащую на журнальном столике подшивку «Харьковского пролетария» и принялся листать газеты, в глубине души рассчитывая на очередной флэшбэк.

Но – не тут-то было...

– Может, сыграем, Давыдов?

Я поднял глаза. Передо мной стоял Марк Гринберг из нашего отряда. Среднего роста, сутулый, с тёмными курчавыми волосами, роскошным крючковатым шнобелем и грустными, навывкате, глазами, чёрными, как маслины, выращенные в кибуце где-нибудь близ Ашдота.

В общем, Гринберг – он и есть Гринберг, ни добавить, ни убавить. Насколько мне было известно, он появился в коммуне недавно, всего за месяц до меня. Я несколько раз за сегодняшний день ловил на себе его взгляды, и помнится, ещё подумал – а этому-то что от меня нужно? Но потом решил, что показалось, и думать о Гринберге забыл.

Как выяснилось – напрасно.

Под мышкой Марк держал доску, которую, не дожидаясь моего согласия, принялся раскладывать на банкетке. Похоже, отвертеться не удастся, понял я – но отчего бы не внести в процесс некоторое оживление?

– А ты в Чапаева играешь?

Гринберг удивлённо поднял на меня глаза.

– В Чапаева? А это как?

Я показал, и уже через пять минут мы с Марком увлечённо резались в новую игру, о которой здесь, оказывается, понятия не имеют. Прочие коммунары оценили новинку – вскоре вокруг нас столпилось не меньше полутора десятков зрителей, которые давали советы, язвительно комментировали промахи и спорили насчёт тактики и стратегии новой игры. Шашки были забыты; на двух других досках пытались воспроизвести наш опыт, и даже Серьёзный Олейник и его партнёр нет-нет, да бросали завистливые взгляды на гомонящих пацанов.

Вот, к примеру, мой вклад в здешнюю культуру – не всем же командирские башенки изобретать? А заодно, поработать на поднятие собственного авторитета среди однокашников, тоже лишним не будет...

В положенное время пропел горн – сначала предварительный, «получасовой» сигнал, а потом и основной, ко сну.

Я лежал, слушая дыхание соседей по спальне – уснули, не уснули? Минуты текли томительно, словно вязкая смола; я в двадцатый раз прикидывал, как встану, как босиком пойду между кроватями, как выскользну в коридор. Рукоятка стамески, которую я сжимал в засунутой под подушку руке, жгла мне ладонь; по стёклам спальни барабанил дождь, не такой сильный, как давешний ливень, он, похоже, зарядил на всю ночь.

Ещё немного – полчаса, может час. Надо просто дотерпеть, а уж там будь, что будет...

Язычок звонко щёлкнул, уступая нажиму. Ящик заскрипел и поддался, выдвинувшись примерно на полсантиметра.

Уф-ф-ф, готово, и даже дерево особо не поцарапано. Конечно, профессиональный криминалист, вооружённый лупой и прочими криминалистическими приспособами, отыщет следы взлома – но уж точно, не «счетовод Вотруба». Во всяком случае, возни с ящиком оказалось не в пример меньше, чем с дверью кабинета, запертой на ночь дневальным. Там не получилось обойтись одной стамеской, пришлось пустить в ход кусок жёсткой стальной проволоки, предусмотрительно прихваченный в цеху – и всё равно, в какой-то момент мне показалось, что ничего не получится, и придётся искать другие способы проникновения в кабинет завкоммуны. К счастью, замок оказался довольно хлипким – или это у меня внезапно прорезался навык домушника, приобретённый в прошлой жизни?

А вот и папка – лежит себе поверх стопки других таких же, и никто её никуда не переложил. Я вытащил её из ящика, положил на стол, но всё равно в кабинетной темноте едва различал надписи. Крупные типографские буквы «Личное дело», ещё кое-как можно разобрать, как и старательно выведенное от руки «Алексей Давыдов № 245».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.